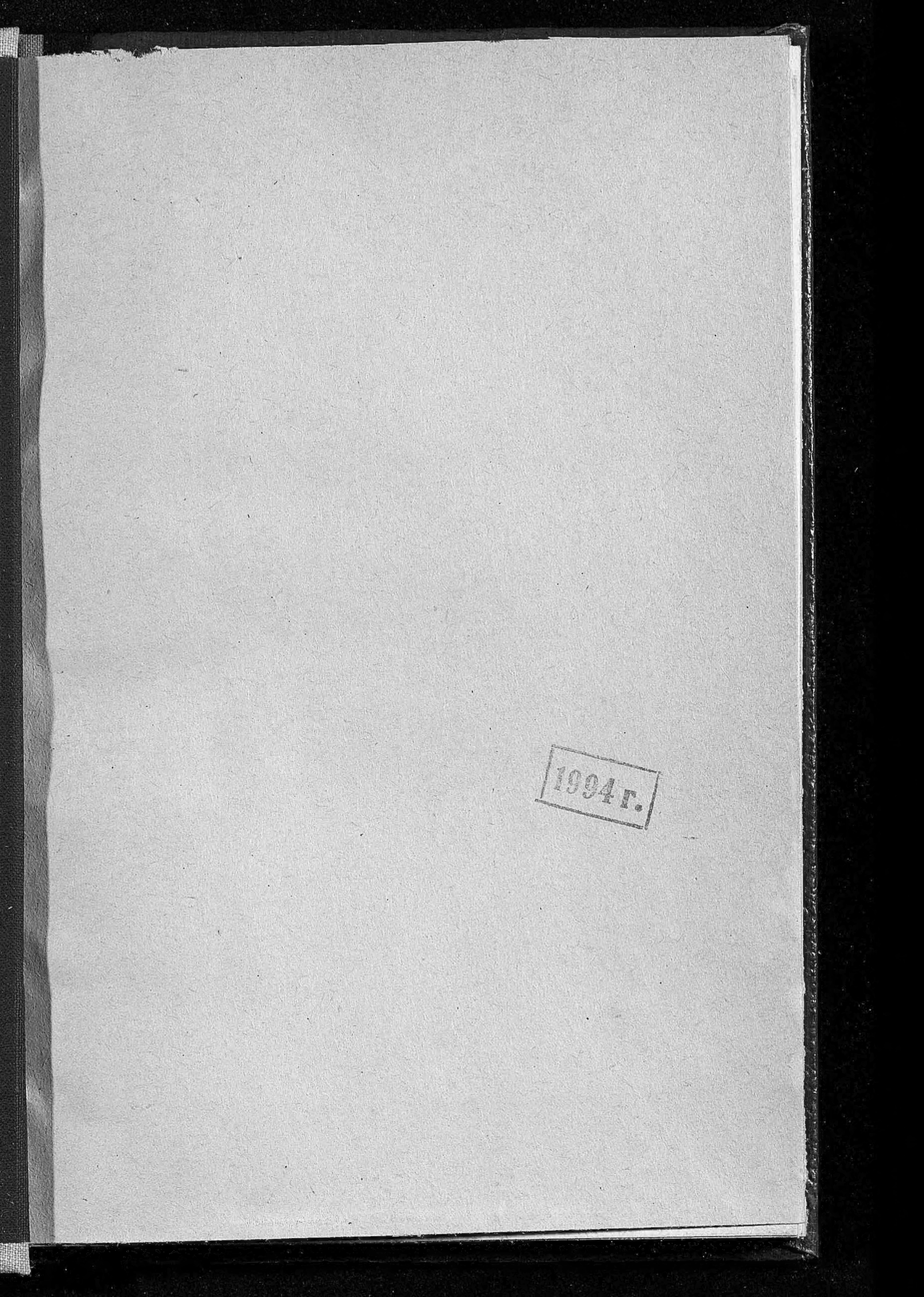
…ikolaus I.
Drama von
G. Panjurin

Preis 2 Mark
Цѣна 2 марки

Г. Панюринъ

Императоръ Николай I

БЕРЛИНЪ
ИЗДАНІЕ АВТОРА

1994 г.

Императоръ Николай I

Druck: F. Schröder, Frankenhausen (Kyffh.)

Г. Панюринъ

Императоръ Николай I

Драма въ пяти дѣйствіяхъ

БЕРЛИНЪ
Изданіе автора.

БИБЛИОТЕКА
Института
театра, музыки
и
кинематографии

Дѣйствующія лица:

Николай I.
Александра Федоровна.
Александръ Николаичъ.
Михаилъ Павловичъ.
Предсѣдатель государственнаго совѣта.
Министры.
Кочубей.
Аракчеевъ.
Сперанскій.
Дибичъ.
Бенкендорфъ.
Канкринъ.
Врончено.
Нессельроде.
Анненковъ.
Блудовъ.
Пестель.
Каховскій.
Жуковскій.
Пушкинъ.
Старообрядцы.
Странникъ.
Старикъ крестьянинъ.
Капитанъ-исправники.
Пажи.
Придворные чины.

Предводитель дворянства.
Графъ Коцебу-Пилляръ-фонъ-Пильхау.
Князь Оболенскій-Нелидинскій-Мелецкій.
Дежурный офицеръ.
Курьеры съ театра войны.
Генералъ Брокъ.
Чернышевъ.
Маркизъ, французскій посланникъ.
Маркиза, его жена.
Лордъ, англійскій посланникъ.
Баронъ, германскій посланникъ.
Адьютанты.
Члены государственнаго совѣта.
Сенаторы. Командиры полковъ. Придворные чины. Гвардейскіе офицеры. Крестьяне. Придворные лакеи.

Первое дѣйствіе

Картина первая

Залъ въ Зимнемъ дворцѣ. Постепенно темнѣетъ.

У рампы стоитъ пажъ. У дверей лакеи. Входитъ второй пажъ и идетъ къ первому.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Что тамъ дѣлается?

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Дѣло идетъ хорошо. Солдаты стойко отказываются присягать Николаю и требуютъ конституціи. Николай послалъ для увѣщанія солдатъ Милорадовича.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Сколько полковъ отказалось отъ присяги?

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Въ точности неизвѣстно. Говорятъ, что отказались лейбъ-гвардіи московскій и лейбъ-гренадерскій полки и гвардейскій экипажъ. Къ нимъ непрерывно присоединяются новыя части.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Сумѣетъ-ли южный комитетъ воспользоваться настоящимъ моментомъ?

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Если наше дѣло не удастся, наступитъ жестокая метель. Тогда пойдутъ и морозы, и метели, и ураганы.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Лучше грубое, но открытое насиліе, чѣмъ ехидная, мелочная злоба и мстительность. Лучше прямой разбой, чѣмъ александровщина съ аракчеевщиной.

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Все будетъ, хотя времена открытыхъ разбоевъ почти миновали. Вообще всѣ событія слишкомъ странно сплелись. Отреченіе Константина и назначеніе на-

слѣдникомъ престола Николая почему-то хранилось въ глубочайшей тайнѣ отъ своего же народа.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Александръ боялся слишкомъ сильныхъ проявленій радости со стороны подданныхъ и потому оставилъ дѣло въ секретѣ. Вѣдь Николая всѣ такъ любятъ.

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Николай, безусловно знавшій объ отреченіи Константина, почему то самъ присягаетъ и заставляетъ всю Россію присягнуть ему; и потомъ уже посылаетъ въ Варшаву Михаила. Михаилъ все время держитъ себя необыкновенно таинственно. При такихъ условіяхъ, какъ изъ зерна стебель, невольно рождаются всякаго рода сомнѣнія и предположенія. Непонятно и отреченіе Константина отъ престола. Впрочемъ, говорятъ, что въ Польшѣ у него цѣлая сотня семействъ. Какъ ни судите, а зазорно перевозить въ Петербургъ на глазахъ всей Россіи сотню семействъ.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Почему зазорно? Тотъ, кто сидитъ на престолѣ, имѣетъ всѣ права и не связанъ никакими обязательствами. Здѣсь все отъ Бога. Вспомните исторію и вы увидите, что благочестивѣйшіе и самодержавнѣйшіе, для большей славы своего царствованія, преспокойно имѣли и по сто женъ и по сто мужей.

ВТОРОЙ ПАЖЪ. А, можетъ быть, Константинъ предпочелъ отдать свои силы и время болѣе существеннымъ наслажденіямъ, чѣмъ слава, величіе и прочее.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Пусть такъ. Но какимъ образомъ могъ отказываться отъ престола человѣкъ, уже лишенный правъ на престолонаслѣдіе манифестомъ двадцатаго года? Съ другой стороны, какъ могли присягать такому человѣку мать, братъ, государственный совѣтъ, сенатъ, синодъ? Впрочемъ, манифесты необязательны для тѣхъ, кто ихъ издаетъ.

Входитъ третій пажъ.

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Ну, господа, что теперь будетъ?

Въ залѣ зажигаютъ свѣчи.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. А что случилось?

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Милорадовичъ смертельно раненъ. А

знаете, императоръ, оказывается, зналъ, что будетъ мятежъ. Сегодня утромъ, проходя черезъ комнату императрицы, онъ остановился и сказалъ: „артиллерія колеблется“.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Да неужели?

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Увѣряю васъ. Сказалъ и вышелъ изъ комнаты. А теперь императоръ самолично повелъ войска на Сенатскую площадь противъ мятежниковъ и по дорогѣ цѣлуется съ народомъ. Нѣтъ, нынѣшній императоръ не чета покойному. Молодецъ! Будучи еще великимъ княземъ и вообще всегда, съ самаго ранняго возраста, онъ проявлялъ особенности ума и характера.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Вообще каждый человѣкъ съ самаго ранняго возраста проявляетъ какія-нибудь особенности ума и характера. А, въ частности, именно Николай никогда не проявлялъ никакихъ особенностей ни характера, ни тѣмъ болѣе ума, кромѣ пристрастія къ солдатчинѣ, да безплодныхъ потугъ на остроуміе.

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Напрасно вы такъ думаете. Кромѣ того, къ императору и по положенію должно быть особенное отношеніе. Ну, знаете, въ такое тревожное время я не могу оставаться спокойнымъ. Пойти, узнать новости.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Сообщите намъ.

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Непремѣнно. (Уходитъ.)

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Наступаетъ рѣшительная минута. Неужели южный комитетъ не успѣетъ . . .

Входитъ четвертый пажъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Странно, здѣсь нѣтъ ни одного защитника отечества. Наши храбрые командиры полковъ перетрусили: часть ихъ вертится подъ защитой Николая, а другая часть прячется по лѣстницамъ Зимняго дворца. Въ послѣднее время и защитники и спасители отечества попали въ очень непріятное положеніе. Бѣдняжки рѣшительно не знаютъ, на кого изливать переполняющія ихъ сердца чувства безпредѣльной любви и безграничной преданности, и совершенно растерялись. Александръ умеръ, съ него взятки гладки. При-

сягнули Константину, отрекся отъ престола. Явилась, наконецъ, возможность залить нравственно-религiозно-патрiотическими чувствами Николая, но и тутъ вышла заминка. А сердца горятъ, даже пылаютъ боязнью за будущее.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Что тамъ дѣлается?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Все идетъ своимъ порядкомъ.

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Говорятъ, что Милорадовичъ смертельно раненъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Раненъ. Теперь послали митрополитовъ для увѣщанiя „мятежниковъ". А Николай, тѣмъ временемъ, стягиваетъ войска и окружаетъ ими Сенатскую площадь. Маневръ самый простой: загнать противника въ мышеловку.

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Николай, говорятъ, цѣловался съ народомъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Вполнѣ естественно. Когда бѣда пришла, поневолѣ полѣзешь цѣловаться. Притомъ, не мѣшаетъ и себя зарекомендовать съ благородной стороны. А вотъ посмотримъ, будетъ ли онъ еще хотя одинъ разъ въ своей жизни цѣловаться съ народомъ? Непонятно, для чего Николаю понадобилось разыгрывать комедiю съ присягой Константину? Неужели онъ расчитывалъ завоевать чьи-либо симпатiи?

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Ту же комедiю разыграли и государственный совѣтъ, и сенатъ, и синодъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Вы забываете, что въ Россiи нѣтъ ни государственнаго совѣта, ни сената, ни синода. У насъ есть царскiе лизоблюды. Вообще всѣ такъ растерялись, что забыли даже подумать объ останкахъ обожаемаго монарха въ Таганрогѣ.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Войска, отказавшiяся присягать Николаю, держатъ себя безукоризненно?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Иначе и быть не можетъ. За всю свою многолѣтнюю службу сегодня солдаты были людьми. Сегодня они, какъ существа разумныя и свободныя, предъявили и отстаиваютъ свои права. Но, будьте увѣрены, благородство

поведенія не спасетъ ихъ. Чтобы запятнать героевъ, будутъ пущены въ ходъ самыя гнусныя сплетни. Скажутъ, что солдаты были пьяны, что они сами не знали, чего требовали, что толпа буйствовала и т. д.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Будемъ ждать извѣстій съ юга. На Пестеля можно положиться.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Не полагайтесь особенно. Такіе люди, какъ Пестель, слишкомъ благородны для того, чтобы выигрывать въ политикѣ. Помните, что благородству Пестеля противупоставятъ самые низкіе способы борьбы: сыскъ, пытки, подкупъ, наушничество, награды. Могу вамъ, господа, сообщить по секрету, что въ Тульчинъ уже командированъ Дибичемъ генералъ Чернышевъ. Командированъ съ такими точными и мягкими инструкціями, на какія способенъ Дибичъ, да еще, конечно, Бенкендорфъ.

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Что же теперь будетъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Не знаю. Одно могу сказать съ полной увѣренностью: хорошаго ничего не ждите... Тяжело... Понимаешь, что Россія не виновата; понимаешь, что трудолюбивый, честный и даровитый русскій народъ жилъ бы самой счастливой жизнью безъ этихъ „непрестанныхъ заботъ о благѣ и счастіи дорогого сердцу нашему отечества“...

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Предполагаете снова уѣхать во Францію?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Да, уѣду.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Нехорошо покидать родину въ тяжелую годину.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Эта година тянется столѣтія. Мѣнялись люди, нѣсколько мѣнялись формы, а тяжелая година, какъ кошмаръ, все сгущается надъ несчастной Россіей. Даже непонятно, какимъ чудомъ, наперекоръ всякимъ царствованіямъ, Россія могла развиться и окрѣпнуть!

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Теперь дѣло можетъ благопріятно окончиться.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Неужели вы предполагаете, что Николай безцѣльно охватываетъ войсками Сенатскую площадь?

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Нѣтъ, нѣтъ, кровопролитія не будетъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Смѣю васъ увѣрить, что съ той стороны, для защиты самодержавной, Богомъ данной власти, не остановятся ни передъ чѣмъ, даже передъ поголовнымъ истребленіемъ всего народа.

Входитъ третій пажъ.

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Императоръ два раза посылалъ конницу въ аттаку. Аттака оба раза отбита мятежниками.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Слышите, господа?

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Императоръ самолично командовалъ: „За вѣру, царя и отечество. Маршъ, маршъ!"

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Какая низость! При чемъ тутъ вѣра и отечество, когда человѣкъ защищаетъ личныя права и свою семью.

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Да. Кавелинъ нѣсколько часовъ тому назадъ перевезъ въ извозчичьей каретѣ изъ Аничкина дома въ Зимній дворецъ великаго князя Александра Николаича, а теперь Долгорукову приказано негласно отвезти августѣйшее семейство въ Царское село. И еще отдано приказаніе немедленно собраться въ этомъ залѣ сенаторамъ и придворнымъ чинамъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Послѣднее приказаніе еще съ утра отдано.

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Теперь оно отдано въ окончательной формѣ. Знаете, я человѣкъ безпристрастный. Я ни за ту, ни за другую сторону, и для меня совершенно безразлично . . . (Одинъ за другимъ входятъ сенаторы, придворные чины и командиры полковъ.) Ну, я пойду. (Уходитъ.)

ЧЕТВЕРЫЙ ПАЖЪ. Любуйтесь, господа, орлами отечества.

Чины въ полной растерянности, подозрительно посматриваютъ одинъ на другого. Возлѣ пажей останавливается офицеръ.

ПРИДВОРНЫЙ ЧИНЪ (подходитъ къ Сперанскому). Здравствуйте, ваше превосходительство. Какъ давно я слышалъ вашъ голосъ.

СПЕРАНСКІЙ. Я самъ себя давно слышалъ.

ПРИДВОРНЫЙ ЧИНЪ. Какъ вы измѣнились.

СПЕРАНСКІЙ. И вы измѣнились: сильно пополнѣли.

ПРИДВОРНЫЙ ЧИНЪ. Это нездоровая полнота, ваше превосходительство.

СПЕРАНСКІЙ. Нездоровая полнота, вѣроятно, полезнѣе здороваго худосочія.

ПРИДВОРНЫЙ ЧИНЪ. Мы, маленькіе люди, своего курса не имѣемъ. Всю жизнь плывемъ подъ защитой большихъ кораблей и не испытываемъ ни бурь, ни аварій. Но теперь, ваше превосходительство, будете вполнѣ вознаграждены за прошлое.

СПЕРАНСКІЙ. Я никогда не имѣлъ основаній жаловаться на судьбу.

ПРИДВОРНЫЙ ЧИНЪ. Нынѣшній императоръ высоко цѣнитъ ваши заслуги передъ престоломъ и родиной, ваши познанія, вашъ обширный умъ, вашу честность. Конечно, вы всегда были выше подобныхъ мелочныхъ укоровъ, но все же покойный императоръ былъ глубоко несправедливъ относительно вашего превосходительства. Конечно, сильнымъ міра сего все сходитъ съ рукъ. Вы придали его царствованію недосягаемое величіе и, вдругъ, благодаря какимъ то пошлымъ наушникамъ . . . Впрочемъ, покойникъ всегда руководился однѣми сплетнями. Ваше превосходительство, у меня кровью обливалось сердце . . . (Понижаетъ голосъ).

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Обратили вниманіе, господа: въ залѣ нѣтъ Аракчеева. Кто повѣритъ, что этотъ плюгавенькій старикашка былъ почти самодержцемъ Россіи? Имѣлъ право безнаказанно перевѣшать и запороть половину Россіи? Какъ онъ теперь жалокъ въ своемъ ничтожествѣ и въ своей заброшенности.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Да. Звѣзда Аракчеева закатилась безвозвратно.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. А сколько зла и по какому праву причинилъ Россіи этотъ временщикъ за время своего самодержавія.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Кто теперь займетъ его мѣсто?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Не безпокойтесь. Каждое царствованіе имѣетъ своего Аракчеева.

Вдали раздается залпъ. Всѣ замираютъ. Второй залпъ.

ОФИЦЕРЪ (стоящій возлѣ пажей). Ай!

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ (поддерживая его). Что съ вами?

ОФИЦЕРЪ. Тамъ стрѣляютъ. У меня братъ въ гвардіи.

Еще залпъ.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Не выдавайте себя. Будьте мужчиной.

Подходитъ одинъ изъ сенаторовъ.

СЕНАТОРЪ. Въ чемъ дѣло?

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. У господина офицера мать при смерти, ваше превосходительство.

СЕНАТОРЪ. Въ такую минуту, когда рѣшается судьба Россіи, странно думать о своихъ личныхъ интересахъ. Можетъ быть, и у меня мать, или жена при смерти, однако же я занятъ только судьбой родины. Во всякомъ случаѣ, военному проявить такое малодушіе неизвинительно.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. Ваше превосходительство, позвольте господину офицеру уйти?

СЕНАТОРЪ. Пусть уходитъ. Да, пусть лучше уходитъ.

Офицеръ, шатаясь, выходитъ. Быстро входитъ адъютантъ.

АДЪЮТАНТЪ. Послѣ трехъ залповъ картечью, мятежники разсѣялись. Его величество, государь императоръ изволятъ слѣдовать сюда.

Всѣ вытягиваются. Предсѣдатель государственнаго совѣта вынимаетъ изъ кармана бумагу и съ нею отходитъ въ сторону. Кочубей также отходитъ въ сторону.

ЧЕРВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Поздравляю. Наступающее царствованіе обѣщаетъ быть великимъ: оно началось крово-

пролитіемъ. Всегда такъ считалось: чѣмъ больше пролито крови вѣрноподданныхъ, тѣмъ выше царствованіе.

Входитъ третій пажъ.

ТРЕТІЙ ПАЖЪ. Послѣ залповъ картечью мятежники разсѣялись. Теперь разбѣжавшихся ловятъ по всему городу.

ВТОРОЙ ПАЖЪ. Но вѣдь лежачаго не бьютъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Здѣсь всѣхъ бьютъ: и лежачихъ, и безоружныхъ, и умирающихъ, и стариковъ, и женщинъ и даже дѣтей. Мало того. Лежачихъ потомъ еще судить будутъ. Здѣсь не знаютъ ни справедливости, ни состраданія, жмутъ до конца.

Дверь распахивается. Входитъ Бенкендорфъ и останавливается у порога. Всѣ въ залѣ быстро становятся на мѣста. Входятъ Николай I въ мундирѣ измайловскаго полка съ лентой черезъ плечо и съ каской на головѣ и Михаилъ Павловичъ. Николай I на мигъ останавливается и бросаетъ взоръ на Бенкендорфа. Бенкендорфъ кланяется и выходитъ. Николай беретъ каску въ руку и идетъ на мѣсто. За нимъ идетъ Михаилъ Павловичъ.

НИКОЛАЙ (обведя взоромъ залъ). Всевышнему угодно было въ девятнадцатый день прошлаго ноября мѣсяца неожиданно отозвать къ себѣ его императорское величество, вѣчнопамятнаго благодѣтеля нашего, государя императора Александра Павловича. Пораженные столь печальнымъ извѣстіемъ, мы сдержали, сколько хватило силъ, свое личное горе и, ставя превыше всего блага дорогого отечества, немедленно принесли присягу на вѣрность подданства нашему любезнѣйшему брату, его императорскому высочеству Константину Павловичу, какъ своему законному и природному государю. Мы не знали тогда, что существуетъ добровольное и торжественное отреченіе отъ правъ на престолонаслѣдіе его высочества, каковое отреченіе, по волѣ покойнаго императора, хранилось тайно ото всѣхъ въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ, въ синодѣ и въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Его высочеству угодно было не принять нашей вѣрноподданнической присяги и черезъ

присутствующаго здѣсь нашего любезнѣйшаго брата, его высочества Михаила Павловича, угодно было снова подтвердить свое твердое и непреклонное отреченіе отъ престола. Тогда, во избѣжаніе могущихъ произойти пагубныхъ для дорогого отечества послѣдствій, мы вынуждены были исполнить священную волю покойнаго государя императора. Видитъ Богъ, я не искалъ короны, но (отступаетъ шагъ назадъ) если мнѣ суждено процарствовать одинъ день, я докажу, что былъ достоинъ русскаго престола. Мы поставили себѣ священной обязанностью посвятить всѣ силы для блага народа нашего и исправить всѣ неустройства въ государствѣ. Неуклонно уповая на помощь Всевышняго, призываемъ Божіе благословеніе на начало царствованія нашего. Дальнѣйшія указанія нами будутъ даны потомъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ ГОСУД. СОВѢТА (глубокій старикъ. Изъ его рѣчи слышны отдѣльныя фразы. Читаетъ по бумагѣ). Отъ лица государственнаго совѣта имѣю счастье всеподданнѣйше привѣтствовать ваше величество съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ . . . .
. . . .
И закатилось надъ Россіей лучезарное солнце . . . . .
. . . .
Но великъ Богъ земли русской и безконечны щедроты . .
. . . .
Какъ нѣкогда великій преобразователь Россіи сказалъ: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи“, и безстрашно первымъ ринулся въ битву, такъ ваше величество . . . .
. . . .
Велика, велика радость народа и неподдѣльны восторги его!.
. . . .
И снова Россія вступила на путь . . . .
. . . .

КОЧУБЕЙ. Ваше величество, всемилостивѣйшій государь императоръ! Безвременная кончина блаженныя и вѣчнодостойныя памяти всеавгустѣйшаго государя императора Але-

ксандра Павловича, которую его величество принялъ со свойственными ему мужествомъ и ангельскою кротостью, повергла въ неутѣшныя рыданія Россію и всю Европу. Справедливо, съ обычной ея великой душѣ проницательностью изволила сказать безутѣшная государыня императрица, въ неописуемой скорби уязвленная въ самую глубину материнскаго сердца: „отлетѣлъ нашъ ангелъ!“ Неисповѣдимы и внѣ власти человѣка пути Всевышняго, неожиданно отозвавшаго къ Себѣ лучшаго изъ монарховъ! Покоряясь волѣ Божіей, августѣйшая семья и съ нею вся Россія среди стоновъ и рыданій поспѣшила исполнить свой долгъ: немедленно принесла присягу на вѣрность подданства его императорскому высочеству, великому князю Константину Павловичу. Но его высочество еще раньше съ согласія и одобренія незабвеннаго государя императора торжественно и непринужденно отрекся отъ престола въ пользу августѣйшаго брата своего, нынѣ его величества, нашего возлюбленнѣйшаго государя императора Николая Павловича. Тогда началось безпримѣрное по своему величію и благородству соревнованіе августѣйшихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ самоотверженно отказывался отъ принадлежащихъ ему правъ, а другой жаждалъ остаться вѣрноподданнымъ своего законнаго и природнаго государя. Весь міръ съ изумленіемъ слѣдилъ за борьбой возвышеннѣйшихъ чувствъ душъ ихъ по извѣстной ихъ любви къ Россіи! Но, позоръ, позоръ! Рыдай, Россія, и наложи на себя трауръ вѣчнаго покаянія! Горсть молодыхъ безумцевъ, незнакомыхъ ни съ потребностями имперіи, ни съ духомъ и истинными нуждами народа, исключительно по соображеніямъ личныхъ выгодъ дерзостно замыслила учинить преобразованіе государственнаго устройства Россіи. Къ вящшему усугубленію своей вины измѣнники безсмысленными слухами и силой вовлекли въ мятежъ подвластныхъ имъ нижнихъ чиновъ. И въ самый радостный для Россіи день, въ высокоторжественнѣйшій день восшествія на престолъ государя императора, началось волненіе безсмысленной пьяной толпы, волненіе, угрожавшее жизни и спокойствію мирныхъ гражданъ. Само Провидѣніе вело къ большему посрамленію

измѣнниковъ и къ полному торжеству правды! О пагубномъ шатаніи молодыхъ умовъ было извѣстно покойному государю императору, но по влеченію своего любвеобильнаго сердца, всегда болѣе наклонный къ милосердію, нежели къ строгости, государь смотрѣлъ на это гибельное начало глазами полнаго великодушія, въ надеждѣ, что время исцѣлитъ заблуждавшихся. Здѣсь сказалась всему міру извѣстная благость вѣчнодостойнаго государя императора, равная величію его души и священной правотѣ его дѣйствій. Однако, измѣнники, не взирая на таковое великодушіе, не покаялись въ своемъ безуміи и, для блага и спокойствія родины, заставили съ сокрушеніемъ сердца употребить противъ себя оружіе. Пусть вѣчный позоръ падетъ на ихъ безумныя головы! Смиренно молимъ ваше величество не поставить по своей неизрѣченной милости въ вину всей Россіи злодѣяній ея заблудшихся сыновъ. А Россія да возрадуется, что на ея престолъ возсѣлъ мужъ великаго ума и великой души, поборникъ правды, законности и порядка, мужъ обширнаго опыта въ государственныхъ дѣлахъ. Да здравствуетъ его величество, государь императоръ и самодержецъ всероссійскій, Николай Павловичъ, ура!

ВСѢ (нестройными голосами). Ура! ура! ура!..

НИКОЛАЙ. Судъ, нами назначенный, разсмотритъ дѣло измѣнниковъ и накажетъ ихъ сообразно виновности каждаго. А теперь возблагодаримъ Господа Бога за всѣ Его милости.

Направляется къ выходу. За нимъ идутъ всѣ. Быстро входитъ Бенкендорфъ.

БЕНКЕНДОРФЪ. Счастливъ доложить вашему величеству, что, какъ доноситъ генералъ Чернышевъ, имъ арестованы въ Тульчинѣ главные вожаки южнаго комитета.

НИКОЛАЙ. Благодарю васъ, генералъ, и генерала Чернышева за ревностное исполненіе служебнаго долга. Докончите необходимыя распоряженія.

Бенкендорфъ уходитъ, и всѣ уходятъ. Въ залѣ остаются первый, второй и четвертый пажи.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Слышали?.. О, какъ тяжело,

какъ противно! .. Одно можно сказать: правда, закрой свое лицо и уйди; тебѣ нѣтъ мѣста при дворахъ... Какъ видите, дѣло до конца идетъ обычнымъ порядкомъ: здѣсь молебенъ служатъ, а въ городѣ людей, какъ зайцевъ, ловятъ и бросаютъ въ тюрьмы.

ПЕРВЫЙ ПАЖЪ. А еще говоритъ о народномъ благѣ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЖЪ. Народное благо занимаетъ въ коронѣ пустое мѣсто и освѣщаетъ собой спину и нѣкоторыя другія части тѣла вѣнценосцевъ. Корона блещетъ одними бриллiантами... Прощайте, господа. Позвольте дать вамъ дружескiй совѣтъ: будьте осторожны даже въ мысляхъ. Помните, всегда и твердо помните, что въ Россiи существуетъ самодержавiе, которому все угрожаетъ: и дѣла, и слова, и даже мысли.

Направляются къ выходу.

Занавѣсъ.

Картина вторая

Кабинетъ императора.
Николай I, Михаилъ Павловичъ и Кочубей.

НИКОЛАЙ. За время прошлаго царствованія, благодаря излишней мягкости брата, управленіе Россіей пришло въ порядочное разстройство. Необходимо усиленно приняться за дѣло. Съ нѣкоторыми реформами можно подождать, другія не терпятъ отлагательства. Для разсмотрѣнія бумагъ, оставшихся въ кабинетѣ покойнаго государя, и для пересмотра государственнаго устройства и управленія учредить особый комитетъ. Предсѣдателемъ комитета назначаю васъ, какъ предсѣдателя государственнаго совѣта.

КОЧУБЕЙ. Приношу всеподданнѣйшую благодарность вашему величеству и испрашиваю милостиваго разрѣшенія пригласить въ комитетъ Михаила Михаиловича Сперанскаго.

НИКОЛАЙ. Пригласите, но сдерживайте его въ должныхъ рамкахъ.

КОЧУБЕЙ. Если я сумѣлъ вѣрно понять распоряженіе вашего величества, комитетъ долженъ быть совершенно секретнымъ?

НИКОЛАЙ. Безусловно. Подданные не должны знать дѣлъ, лично касающихся государей. Да и вообще подданные должны меньше знать, такъ какъ вопросы по управленію имѣетъ право возбуждать только правительство. Комитетъ долженъ сохранить незыблимымъ и усилить существующій въ Россіи строй. Достаточно мы видѣли вольнодумства.

КОЧУБЕЙ. Члены комитета сочтутъ священной обязанностью въ точности исполнить волю вашего величества. Но члены и сами убѣждены въ томъ, что Россія должна жить совершенно самостоятельной жизнью, основанной на началахъ самодержавія, православія и народности. Для блага Россіи необходима сильная и твердая самодержавная власть; власть, которая охватывала бы своими нитями всѣ безъ исключенія стороны жизни подданныхъ. Чѣмъ совершеннѣе правительство будетъ охватывать жизнь подданныхъ, тѣмъ сильнѣе подданные будутъ чувствовать необходимость правительства, и тѣмъ тверже будетъ стоять самое правительство.

НИКОЛАЙ. Совершенно справедливо. Иначе было бы безцѣльнымъ самое существованіе правительства. И въ существующемъ строѣ Россіи имѣются недостатки. Напримѣръ, крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи является зломъ, но устраненіе его было бы зломъ еще болѣе гибельнымъ для государства. Необходима строгая постепенность. Кромѣ того, крѣпостное право даетъ намъ сто тысячъ безплатныхъ полицеймейстеровъ.

КОЧУБЕЙ. Улучшеніе положенія государственныхъ крестьянъ можетъ послужить для владѣльцевъ благимъ примѣромъ мягкаго обращенія съ крестьянами.

НИКОЛАЙ. Но прежде всего необходимо уничтожить крамолу. Зло должно быть вырвано съ корнемъ. Необходимо дѣло поставить такъ, чтобы Россіи не достигало даже дуновеніе вѣтра съ Запада, особенно изъ Франціи. Образовать особую секретную комиссію подъ предсѣдательствомъ военнаго министра для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ въ Россіи. (Михаилу Павловичу). Прошу, ваше высочество, принять участіе въ занятіяхъ комиссіи. (Михаилъ Павловичъ кланяется). Въ какомъ положеніи дѣло о мятежѣ 14 декабря?

КОЧУБЕЙ. Согласно приказанію вашего величества, генералъ Дибичъ ведетъ самое строгое разслѣдованіе. Пока удобнѣе предположить, что въ злодѣяніяхъ 14 декабря ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали введенныя въ заблуж-

ѳѣніе роты нижнихъ чиновъ. Ихъ удобнѣе признать невиновными.

НИКОЛАЙ. Мысль правильная, но преступниковъ правосудіе запрещаетъ щадить. Завтра представить мнѣ въ такомъ духѣ манифестъ.

КОЧУБЕЙ. Слушаю. Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что въ манифестѣ умѣстно было бы упомянуть о назначеніи надъ виновными верховнаго суда изъ трехъ государственныхъ сословій: государственнаго совѣта, сената и синода, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. Такой судъ будетъ имѣть большій вѣсъ въ глазахъ общества. Осмѣлюсь предположить, что судъ, во избѣжаніе соблазна и неумѣстныхъ сужденій, долженъ дѣйствовать лишь съ возможнымъ соблюденіемъ гласности и законности?

НИКОЛАЙ. Составьте манифестъ.

Кочубей уходитъ.

НИКОЛАЙ. Къ сожалѣнію, вожаки заговора оказались военными. Войско является главнѣйшей опорой престола, поэтому мятежный духъ въ немъ совершенно нетерпимъ.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. Кочубей подалъ очень удобную мысль о невиновности нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ мятежѣ.

НИКОЛАЙ. Да, мысль удачная. Подобные суды вообще неудобны.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. Неудобно и безъ суда обойтись: дѣло приняло слишкомъ широкую огласку.

НИКОЛАЙ. Необходимо, чтобы судъ дѣйствовалъ рѣшительно. Въ молодости слышалъ я разказъ о томъ, какъ императоры русскій, австрійскій и прусскій спорили, въ какой арміи выше дисциплина. Призываетъ своего солдата король прусскій и приказываетъ ему выброситься изъ окна на мостовую. Солдатъ замялся и попросилъ разрѣшенія устроить свои домашнія дѣла. Тогда призываетъ своего солдата австрійскій

императоръ и отдаетъ ему такое же приказаніе. Солдатъ замялся и попросилъ разрѣшенія проститься съ семьей. Наконецъ, призываетъ своего императоръ русскій. Солдатъ вытянулся и бойко спрашиваетъ: „Ваше величество, въ какое окно прикажете прыгать?“ Въ такомъ повиновеніи заключаются смыслъ и значеніе военной службы. При обученіи солдатъ необходимо держаться правила: пять человѣкъ запороть, одного выучить.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. По поводу приведеннаго разсказа мнѣ пришлось слышать въ Пруссіи ядовитое замѣчаніе, что русскому солдату нечего терять въ этой жизни, поэтому онъ такъ охотно идетъ на какую угодно войну и, по разсказу, изъ окна выбрасывается на мостовую. Конечно, нѣмцы въ данномъ случаѣ придерживаются правила видѣть въ чужомъ глазу сучокъ.

НИКОЛАЙ. Вся сила въ дисциплинѣ. Солдата необходимо довести до такого состоянія, чтобы въ немъ умерли всѣ человѣческія чувства и желанія.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. Слѣдуетъ составить уставъ пѣхотной службы.

НИКОЛАЙ. Займемся. Необходимо заняться также переобмундированіемъ войскъ. Обмундированіе — душа военнаго. Отнимите внѣшнюю выправку и мундиръ, и отъ военнаго ничего не останется.

Звонитъ. Входитъ Канкринъ.

КАНКРИНЪ (говоритъ невполнѣ правильнымъ русскимъ языкомъ). Имѣю шесть представить вашему велишеству докладъ о состояніи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

НИКОЛАЙ. Посмотримъ. (Откладываетъ докладъ въ сторону). Въ какомъ положеніи государственные финансы?

КАНКРИНЪ. Въ ошень плохомъ, ваше велишество. Долги за послѣднія войны платятся неаккуратно, внѣшній кредитъ государства подорванъ, центральныя губерніи разорены, расходы значительно превышаютъ доходы.

НИКОЛАЙ. Плохо. Правда, ни въ одномъ государствѣ никогда финансы не были въ хорошемъ состояніи, но все же. Что вы предполагаете предпринять для улучшенія доходовъ?

КАНКРИНЪ. Ваше велишество, ошень трудно усиливать доходы, такъ какъ въ каждую данную минуту правительство всегда беретъ съ подданныхъ все, что только съ нихъ можно взять. Какъ я имѣлъ шесть изложить въ своемъ докладѣ, необходимо введеніе реформъ, которыя бы позволили усилить старые и ввести новые налоги. Необходимо усиленіе покровительственной системы и развитіе крупной промышленности. И то, и другое дастъ доходъ. Кромѣ того, необходимо открыть въ Петербургѣ технологическій институтъ. Такой большой государство, какъ Россія, до сихъ поръ не имѣетъ ни одного высшаго техническаго училища. Это нехорошо.

НИКОЛАЙ. Институтъ намъ никогда никакихъ доходовъ не дастъ. Гораздо выгоднѣе построить желѣзную дорогу отъ Петербурга до Москвы.

КАНКРИНЪ. Ваше велишество, безъ училищъ невозможна разработка естественныхъ богатствъ страны.

НИКОЛАЙ. Представьте докладъ. Посмотримъ.

КАНКРИНЪ. Съ другой сторона, необходимъ самый строгій система въ расходахъ и сокращеніе самыхъ расходовъ.

НИКОЛАЙ. Система необходима. Но расходы намъ едва ли удастся сократить. Въ самомъ недалекомъ будущемъ потребуется кредитъ на переобмундированіе войскъ. Кромѣ того, деньги нужны будутъ и для нѣкоторыхъ, уже намѣченныхъ нами внутреннихъ реформъ. Да вотъ, кстати. (Звонитъ). Генерала Бенкендорфа.

Входитъ Бенкендорфъ.

НИКОЛАЙ. Бенкендорфъ, тебѣ нужны деньги для окончательнаго сформированія корпуса жандармовъ?

БЕНКЕНДОРФЪ. Совершенно необходимы, ваше величество. На дняхъ буду имѣть честь представить вашему величеству подробную смѣту при объяснительной запискѣ.

КАНКРИНЪ. Ваше велишество, расходы необходимо сократить. Въ противномъ случаѣ государству грозитъ банкротство.

НИКОЛАЙ. Придется временно сдѣлать сокращенія по другимъ министерствамъ. Составьте въ такомъ духѣ докладъ.

КАНКРИНЪ. Слушаю.

БЕНКЕНДОРФЪ. Ваше величество, какъ шефъ жандармовъ, осмѣлюсь всеподданнѣйше просить инструкцію.

НИКОЛАЙ. Хорошій работникъ не нуждается въ инструкціяхъ. Чѣмъ ревностнѣе будешь относиться къ дѣлу, тѣмъ лучше.

БЕНКЕНДОРФЪ. По новости дѣла опасаюсь невѣрно исполнить предначертанія вашего величества.

НИКОЛАЙ (подавая ему свой носовой платокъ). Вотъ тебѣ моя инструкція. Чѣмъ больше слезъ утрешь несчастнымъ, тѣмъ точнѣе исполнишь мою волю.

БЕНКЕНДОРФЪ. Употреблю всѣ свои слабыя силы для оправданія милостиваго довѣрія вашего величества.

НИКОЛАЙ. Для ускоренія дѣла о корпусѣ жандармовъ докладъ представишь мнѣ, а смѣту передашь прямо въ министерство.

БЕНКЕНДОРФЪ. Слушаю, ваше величество.

Канкринъ и Бенкендорфъ уходятъ.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (смотритъ на часы). Время ѣхать на парадъ.

НИКОЛАЙ. Нужно отдѣлаться отъ Аракчеева. (Звонитъ.) Графа Аракчеева.

Входитъ Аракчеевъ.

АРАКЧЕЕВЪ. Осмѣлился безпокоить ваше величество всеподданнѣйшей просьбой о разрѣшеніи заграничнаго отпуска для поправленія здоровья.

НИКОЛАЙ. Кажется, мы еще не видѣлись въ вами, графъ, послѣ кончины незабвеннаго моего брата, а вашего благодѣтеля?

АРАКЧЕЕВЪ. Тяжелая болѣзнь лишила меня счастья

привѣтствовать восшествіе вашего величества на прародительскій престолъ.

НИКОЛАЙ. Васъ, вѣроятно, больше всего поразила неожиданность кончины государя?

АРАКЧЕЕВЪ. Ваше величество, нѣтъ силъ выразить то, что я почувствовалъ послѣ полученія рокового извѣстія. Я понялъ, что вмѣстѣ съ моимъ благодѣтелемъ и государемъ улетаетъ и моя душа.

НИКОЛАЙ. Извѣстіе дѣйствительно было роковымъ.

АРАКЧЕЕВЪ. Теперь у меня осталось одно желаніе: умереть на могилѣ своего благодѣтеля, а до смерти свѣтлый образъ его непрестанно носить въ сердцѣ и въ мысляхъ.

НИКОЛАЙ. Вы еще поживете, графъ. Поѣдете на воды, развлечетесь.

АРАКЧЕЕВЪ. Ваше величество, въ настоящей жизни для меня все кончено. Съ нетерпѣніемъ жду блаженной минуты преклониться предъ ангельской душой его величества и просить ея милостиваго заступничества въ грѣхахъ своихъ у престола Всевышняго.

НИКОЛАЙ. Вы дѣйствительно послужили покойному императору, графъ.

АРАКЧЕЕВЪ. Ваше величество, по совѣсти не смѣю признать за собой никакихъ заслугъ. Одно дерзну поставить себѣ въ заслугу: я былъ преданъ его величеству безъ лести. Никогда не искалъ я за свою службу ни наградъ, ни повышеній. Его величеству, моему истинному благодѣтелю, угодно было, по своей неизрѣченной добротѣ, изъ ничтожества взять меня и не по заслугамъ возвысить выше всякой мѣры.

НИКОЛАЙ. Если бы всѣ государи имѣли такихъ вѣрныхъ помощниковъ.

АРАКЧЕЕВЪ. Ваше величество, каждый господинъ имѣетъ достойныхъ себя слугъ.

НИКОЛАЙ. Итакъ, вы желаете поѣхать за границу?

АРАКЧЕЕВЪ. Если благоугодно будетъ разрѣшить вашему величеству.

НИКОЛАЙ. Поѣзжайте, графъ, поѣзжайте. Теперь многіе уѣзжаютъ. Желаю вамъ поправиться.

АРАКЧЕЕВЪ. Приношу всеподданнѣйшую благодарность вашему величеству за милостивое разрѣшеніе. (Уходитъ).

НИКОЛАЙ (поднимается съ мѣста и смотритъ въ слѣдъ Аракчееву). Вмѣстѣ съ Аракчеевымъ уходитъ прошлое царствованіе.

Занавѣсъ.

Второе дѣйствіе

Картина первая

Пріемная во дворцѣ.

Въ пріемной порядочное количество придворныхъ чиновъ. Группами разговариваютъ. Два дежурныхъ офицера. Входятъ генералы Дибичъ и Чернышевъ.

ДИБИЧЪ (говоритъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ). Вы слышали волю его величества? Ведите дѣло безъ всякаго послабленія. Арестуйте какъ можно больше. Виновные послѣ отыщутся. Упорствующихъ солдатъ запарывать на смерть. Съ офицерами и штатскими дѣйствовать всѣми способами. Необходимые кредиты получите на мое имя. О результатахъ будете доносить мнѣ для доклада его величеству.

ЧЕРНЫШЕВЪ. Слушаю, ваше превосходительство.

ДИБИЧЪ. По второму дѣлу придется сослать обоихъ. Виновнаго отыскать невозможно.

ЧЕРНЫШЕВЪ. Слушаю. Осмѣлюсь принести благодарность вашему превосходительству за лестный обо мнѣ отзывъ его величеству.

ДИБИЧЪ. Старайтесь, забыты не будете.

Расходятся въ разныя стороны. Два придворныхъ чина отходятъ въ сторону.

ПЕРВЫЙ ЧИНЪ. Начинается новое, костоправное и душеисправительное дѣло.

ВТОРОЙ ЧИНЪ. Теперь такія дѣла рождаются, какъ грибы послѣ дождя. Кажется, пора бы и успокоиться, а дѣла

все множатся. Такъ и оглядываешься, какъ бы и тебя не потащили на дыбы къ Дибичу.

ПЕРВЫЙ ЧИНЪ. Да, Дибичъ изъ труповъ убитыхъ очень усердно сооружаетъ себѣ лѣстницу къ славѣ.

ВТОРОЙ ЧИНЪ. Бенкендорфъ, пожалуй, идетъ впереди его. И на кой чортъ, при такихъ условіяхъ, издаются всякіе законы. Подумаешь, сколько эффекта: „Полное собраніе законовъ", „Сводъ законовъ", всевозможные уставы. А на самомъ дѣлѣ Дибичъ является однимъ сводомъ законовъ, Бенкендорфъ — другимъ и т. д.

ПЕРВЫЙ ЧИНЪ. И везетъ же у насъ нѣмцамъ. Всѣ высшія должности позахватили.

ВТОРОЙ ЧИНЪ. Недаромъ везетъ. Тотъ же Бенкендорфъ безъ колебаній ни за что отца родного повѣситъ, и Дибичъ ему не уступитъ въ доблести.

ПЕРВЫЙ ЧИНЪ. Пусть Бенкендорфъ и Дибичъ образцовые палачи. Возьмите Канкрина, Нессельроде, Клейнмихеля? Во всѣхъ отношеніяхъ самые заурядные люди, а, — посмотрите, — какія мѣста занимаютъ, какія то системы проводятъ, съ докладами являются. За какія заслуги? По-русски не выучились говорить, ненавидятъ Россію, а Россіей управляютъ.

ВТОРОЙ ЧИНЪ. Нѣмецъ при самыхъ ограниченныхъ данныхъ сохраняетъ глубокомысленный видъ и держитъ себя съ достоинствомъ. У насъ, русскихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ ни перваго, ни второго. Но вообще нѣмцы всегда были въ большой милости при русскомъ дворѣ. Оно понятно: свой своему поневолѣ братъ. А мы съ вами, какъ лакеи, всю жизнь будемъ тереться въ переднихъ.

ПЕРВЫЙ ЧИНЪ. И всѣ мѣста, гдѣ можно выдвинуться, поручаются непремѣнно нѣмцамъ. Напримѣръ, Бенкендорфъ назначенъ шефомъ жандармовъ, командующимъ главной императорской квартирой и начальникомъ III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Для дѣятельности поле обширное.

ВТОРОЙ ЧИНЪ. А слышали, какъ ловко императоръ отдѣлался отъ необходимости дать Бенкендорфу инструкцію. „Возьми, — говоритъ, — этотъ платокъ, и чѣмъ больше ты

имъ утрешь слезъ несчастнымъ, тѣмъ точнѣе исполнишь мою волю.“ Каково?

ПЕРВЫЙ ЧИНЪ. Знаете, я не вѣрю въ возможность такого факта. Слишкомъ ужъ тонко и благородно. Вы спрашиваете, по какой инструкціи людямъ кости ломать и жилы изъ нихъ выматывать, а вамъ отвѣчаютъ: вытирайте этимъ платочкомъ слезы несчастнымъ, а остальное, дескать, меня не касается.

ВТОРОЙ ЧИНЪ. Въ томъ то и дѣло! Но интереснѣе всего, что такая деликатная обязанность поручена Бенкендорфу!

ПЕРВЫЙ ЧИНЪ. Да. Бенкендорфъ такъ вытретъ слезы, что и безъ головы останешься. А чтобы имѣть право на законномъ основаніи заглядывать въ чужія души, учредили покровительственную полицію, и все для процвѣтанія III-го отдѣленія. Дѣйствительно, очень тонко. Охъ, эти утѣшители покажутъ еще себя Россіи.

ВТОРОЙ ЧИНЪ. Ужъ подлинно, несчастны всѣ тѣ, которымъ Бенкендорфы будутъ вытирать слезы . . . Пойдемте на улицу.

ПЕРВЫЙ ЧИНЪ. Прогуляться?

ВТОРОЙ ЧИНЪ. Неужели вамъ пріятно торчать здѣсь и слушать придворныя сплетни?

Уходятъ. Нѣкоторое время на сценѣ остаются тѣ же лица группами. Быстро входитъ третій придворный чинъ.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Господа, интересная новость. Во дворецъ идутъ старообрядцы.

ВСѢ. Какіе старообрядцы?

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Два старообрядца пріѣхали изъ-за Волги искать правду. Вчера они были у министра внутреннихъ дѣлъ, а теперь идутъ во дворецъ. Интересно. Настоящіе дикари. Да вотъ они сами.

Входятъ два совершенно бѣлыхъ старика почтенной наружности. У перваго въ рукахъ узелокъ изъ полотенца.

ПЕРВЫЙ СТАР. (отвѣсивши низкіе поклоны). Здравствуйте вамъ, съ пятницей будьте здоровы.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Спасибо.

ПЕРВЫЙ СТАР. Богъ вамъ въ помощь.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Намъ не въ чемъ помогать, дѣдушка. Мы ничего не дѣлаемъ.

ПЕРВЫЙ СТАР. Какъ такъ, что-нибудь да дѣлаете?

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Вотъ такъ толкаемся здѣсь изо дня въ день и ничего не дѣлаемъ.

ПЕРВЫЙ СТАР. И то дѣло доброе, лишь бы хлѣбомъ кормили. (Второму старообрядцу.) Чудно, сватъ? (Второй старообрядецъ вздыхаетъ).

ТРЕТІЙ ЧИНЪ (ставитъ два стула по рединѣ комнаты). Садитесь. Будьте какъ дома.

ПЕРВЫЙ СТАР. Покорнѣйше благодаримъ. Отдохнемъ на старости. (Второму старообрядцу.) Садись, сватъ. (Садятся. Ихъ обступаютъ придворные).

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Понравился вамъ Петербургъ?

ПЕРВЫЙ СТАР. Городъ знатный. Дома большіе. По улицамъ все кареты ѣздятъ. Отчего не жить? Денегъ много, жить можно. Охо — хо — хо — хо.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Въ церквахъ были?

ПЕРВЫЙ СТАР. У насъ свои церкви.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. А развѣ вы не знаете, что вамъ запрещено церкви имѣть?

ПЕРВЫЙ СТАР. Зачѣмъ запрещено? Лишь бы молился человѣкъ, да жилъ по-божески.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. А что это у васъ въ узелкѣ, дѣдушка?

ПЕРВЫЙ СТАР. Хлѣбъ-соль привезли царю батюшкѣ. Пускай покушаетъ нашего хлѣбушки. Сами сѣяли, сами косили, сами пекли.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Вы сами пекли хлѣбъ?

ПЕРВЫЙ СТАР. Зачѣмъ мы? Наши бабы пекли. Малость присохъ за дорогу кормилецъ. Ничего, во щахъ отойдетъ.

Всѣ сдержанно смѣются.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Вы, говорятъ, вчера у министра были. Понравился?

ПЕРВЫЙ СТАР. Ничего себѣ, пріятный человѣчекъ.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. И жену министра видѣли?

ПЕРВЫЙ СТАР. И ее видѣли.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Она понравилась?

ПЕРВЫЙ СТАР. Какъ понравилась?

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Изъ себя какъ, ничего?

ПЕРВЫЙ СТАР. Ничего бабочка — махонькая, но крѣпконькая. Одно слово, аккуратная бабочка.

Всѣ смѣются.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. А красивая бабенка?

ПЕРВЫЙ СТАР. Она намъ безъ надобности: мы въ законѣ живемъ.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Угощали васъ у министра?

ПЕРВЫЙ СТАР. Мы по дѣлу были.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. По какому дѣлу?

ПЕРВЫЙ СТАР. По своему дѣлу, по которому насъ міръ послалъ.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. А, скажите, дѣдушка, отчего вашъ товарищъ все время молчитъ?

ПЕРВЫЙ СТАР. Мы не на базарѣ. Одинъ разговариваетъ, а другой пусть присматривается.

ВТОРОЙ СТАР. Мы свое будемъ опосля говорить.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. А сюда вы по какому дѣлу пришли?

ПЕРВЫЙ СТАР. Къ царю надыть.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. А императоръ васъ не приметъ.

ПЕРВЫЙ СТАР. Зачѣмъ не приметъ? Должонъ принять. Насъ міръ послалъ.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Вы слышали вчера отъ министра, что васъ царь не приметъ?

ПЕРВЫЙ СТАР. Намъ министеръ не указъ. Намъ міръ указъ.

Всѣ смѣются.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Императоръ боленъ и васъ не приметъ.

ПЕРВЫЙ СТАР. Пусть въ постели приметъ. Развѣ къ больнымъ люди не ходятъ? Мы по дѣлу за три тысячи верстъ пріѣхали.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Все равно васъ не примутъ.

ПЕРВЫЙ СТАР. Примутъ. Мы дойдемъ. Насъ міръ послалъ, а міръ — большой человѣкъ.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Нѣтъ, дѣдушка, не примутъ.

ПЕРВЫЙ СТАР. А ты постой. Ты помолчи малость. Не тебѣ о царевомъ дѣлѣ разговаривать, потому мы старше тебя.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Значитъ, мнѣ стоять передъ вами и молчать?

ПЕРВЫЙ СТАР. И помолчи, потому...

Входитъ Бенкендорфъ съ адъютантомъ. Всѣ, кромѣ старообрядцевъ и дежурныхъ офицеровъ, быстро расходятся.

БЕНКЕНДОРФЪ. Вы кто такіе?

ПЕРВЫЙ СТАР. Извѣстно, люди.

БЕНКЕНДОРФЪ. Кто васъ пустилъ сюда?

ПЕРВЫЙ СТАР. Сами пришли. У самихъ ноги есть.

БЕНКЕНДОРФЪ. Встать!

ПЕРВЫЙ СТАР. Можно и постоять. (Встаютъ.)

БЕНКЕНДОРФЪ. Не разсуждать!

ПЕРВЫЙ СТАР. А ты не кричи, милый человѣкъ. Мы не глухіе.

БЕНКЕНДОРФЪ. Кто вамъ разрѣшилъ въ Петербургъ пріѣхать?

ПЕРВЫЙ СТАР. Сами пріѣхали. Насъ міръ послалъ.

БЕНКЕНДОРФЪ. Отъ губернатора разрѣшеніе имѣете?

ПЕРВЫЙ СТАР. Постой, постой. Да мы, можетъ, съ жалобой на губернатора.

БЕНКЕНДОРФЪ. А-а-а, на губернатора?

ПЕРВЫЙ СТАР. Про то мы тебѣ не скажемъ. Про то мы самому царю скажемъ.

БЕНКЕНДОРФЪ (адъютанту). Отправить въ III-е отдѣленіе, Снять самый подробный допросъ. Обыскать и отобрать все.

ВТОРОЙ СТАР. Ну, нѣтъ. Мы животы свои положимъ, а міра не выдадемъ.

БЕНКЕНДОРФЪ (адъютанту). На мѣсто экстренно командировать жандармскаго штабъ-офицера для самаго подробнаго разслѣдованія дѣла. Отыскать виновныхъ и поступить съ ними безъ малѣйшихъ послабленій. О послѣдующемъ докладывать мнѣ для дальнѣйшаго направленія дѣла.

ПЕРВЫЙ СТАР. Да ты кто, постой? Что ты, очумѣлъ, прости, Господи! Насъ міръ къ самому царю послалъ. Что ты, выше царя? Зачѣмъ у насъ вчера министеръ тыщу рублей взялъ, ну? И мы міру доложимъ.

БЕНКЕНДОРФЪ (хлопаетъ въ ладоши. Входятъ жандармы съ саблями на-голо). Взять ихъ!

Жандармы окружаютъ старообрядцевъ и выводятъ За ними идутъ Бенкендорфъ и адъютантъ).

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРЪ. Ай-ай-ай! Сколько еще на святой Руси дикости! И жаль, и досадно, и обидно! Дурацкій міръ посылаетъ какихъ то идіотовъ, и тѣ ѣдутъ за три тысячи верстъ искать правду! Подумайте, ѣдутъ въ Петербургъ искать правду, ха-ха-ха!.. А замѣтили, они серьезно были увѣрены, что императоръ будетъ размачивать во щахъ и кушать ихъ дурацкій хлѣбъ, ха-ха-ха! Замѣтьте, во щахъ ха-ха-ха!.. Удивительно, какъ просто эти дикари смотрятъ на вещи: отыскали какое то дѣло, ѣдутъ въ Петербургъ и прямо во дворецъ! Конечно, они и не слышали о существованіи этикета, и не подозрѣваютъ, что люди повыше ихъ мѣсяцами обиваютъ пороги, просятъ, задабриваютъ, пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобы только получить аудіенцію... И что обидно: оба уже бѣлые, идіоты. У одоихъ дома внуки, если не правнуки. Вотъ и отыскали правду. Больше они не только своего дурацкаго міра, свѣта Божьяго не увидятъ.

Входитъ третій придворный чинъ.

ТРЕТІЙ ЧИНЪ. Что, интересные субъекты? Настоящіе

дикари! Ихъ въ III-е отдѣленіе ведутъ, а они не хотятъ идти, упираются... Говорятъ, что сегодня императоръ въ балетъ ѣдетъ... Пойти, знакомымъ разсказать о сторообрядцахъ.

Уходитъ. При выходѣ встрѣчается съ княземъ Оболенскимъ.

ОБОЛЕНСКІЙ. Здравствуйте, господа!

Здороваются.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРЪ. На смѣну пожаловали? Гдѣ же вашъ товарищъ?

ОБОЛЕНСКІЙ. Вѣроятно, сейчасъ придетъ.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРЪ. Намъ можно уйти?

ОБОЛЕНСКІЙ. Пожалуйста.

ПЕРВЫЙ ОФИЦЕРЪ. Сегодня императоръ ѣдетъ въ балетъ.

ОБОЛЕНСКІЙ. Благодарю васъ.

Прощаются. Первый и второй офицеры уходятъ. Оболенскій передъ зеркаломъ оправляетъ воротникъ. Быстро входитъ графъ Коцебу.

КОЦЕБУ. Простите, я опоздалъ.

ОБОЛЕНСКІЙ. Помилуйте, одна минута.

КОЦЕБУ. Позвольте познакомиться: графъ Коцебу-Пилляръ-фонъ-Пильхау.

ОБОЛЕНСКІЙ. Князь Оболенскій-Нелидинскій-Мелецкій.

КОЦЕБУ. Очень пріятно. Все благополучно?

ОБОЛЕНСКІЙ. Сегодня императоръ ѣдетъ въ балетъ.

КОЦЕБУ (вздыхаетъ). А намъ сегодня дежурить... Я прямо отъ портного. Скажите, какъ на мнѣ сидитъ мундиръ?

ОБОЛЕНСКІЙ. Позвольте. (Осматриваетъ его). Мундиръ сшитъ великолѣпно.

КОЦЕБУ. А я сейчасъ портному всю физіономію исколотилъ.

ОБОЛЕНСКІЙ. Такъ и слѣдуетъ. Иначе хамы зазнаются. Я никогда не возьму мундира, прежде чѣмъ не исколочу портного. Пусть будетъ осторожнѣе. Пусть знаетъ, что

имѣетъ дѣло съ людьми благородными по рожденію, по воспитанію и по положенію.

КОЦЕБУ. Впрочемъ, я портному и денегъ еще не отдалъ и, конечно, не скоро отдамъ... Что новенькаго?

ОБОЛЕНСКІЙ. Сегодня у насъ, въ полку, передавали очень интересную новость. Говорятъ, умеръ графъ Аракчеевъ.

КОЦЕБУ. Неужели?

ОБОЛЕНСКІЙ. Да. Говорятъ, умеръ. А у васъ, въ полку, ничего не говорили?

КОЦЕБУ. Помилуйте, когда мнѣ бывать въ полку? Вѣрите, уже больше мѣсяца, какъ мнѣ приходится ежедневно бывать на двухъ, трехъ вечерахъ.

ОБОЛЕНСКІЙ. И, говорятъ, умеръ, не спуская взора съ портрета покойнаго императора. Вотъ ужъ дѣйствительный слуга царю

КОЦЕБУ. Да. Слуга царю, врагъ народу.

ОБОЛЕНСКІЙ. Простите, какъ вы сказали?

КОЦЕБУ. Что, недурной каламбуръ? Слуга царю, врагъ народу.

ОБОЛЕНСКІЙ. Каламбуръ недурной. Какъ же его понимать?

КОЦЕБУ. Какъ понимать? Можно понимать, какъ угодно. Кто служитъ царю, тотъ вредитъ народу, и наоборотъ. И, представьте, я совершенно не думалъ: каламбуръ самъ по себѣ пришелъ мнѣ въ голову. (Смѣется.)

ОБОЛЕНСКІЙ (смѣется). Каламбуръ недурной, даже имѣетъ нѣкоторую остроту. Подобный случай былъ въ нашемъ полку. Ротный приказалъ всыпать одному солдату сто палокъ. Солдатъ говоритъ: „все равно!“ Ротный вскипѣлъ. „Какъ все равно“, сякой, такой, ну, какъ обычно въ такихъ случаяхъ. „Двѣсти палокъ!“ И, вообразите себѣ, солдатъ снова говоритъ: „все равно“. Ротный разсвирѣпѣлъ: „Я тебя, мерзавца, запорю, разстрѣляю“. А солдатъ снова ему говоритъ: „все равно!“ Доложили великому князю Михаилу Павловичу. Пріѣзжаетъ въ полкъ великій князь. „Какъ ты смѣлъ, — говоритъ, — начальству неповиновеніе оказать?“ А солдатъ ему отвѣчаетъ:

„Все равно, ваше высочество, за царя и отечество готовъ животъ свой положить!“

КОЦЕБУ. Вотъ какъ?

ОБОЛЕНСКІЙ. И, вообразите, великій князь тутъ же наградилъ его медалью за храбрость.

КОЦЕБУ. Слѣдовало. За такой выдающійся поступокъ слѣдовало наградить. И, замѣтьте, какая сообразительность у простого солдата.

ОБОЛЕНСКІЙ. Попадаются и между солдатами неглупыя головы. Рѣдко, но попадаются. Еще интересный случай былъ въ нашемъ полку...

Входитъ генералъ Брокъ.

БРОКЪ. Здравствуйте, господа. Анекдотцами занимаетесь?

ОБОЛЕНСКІЙ. Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Разсказываемъ интересные случаи изъ полковой жизни.

БРОКЪ. По лицамъ вижу, какими случаями занимаетесь. Хе-хе-хе-хе! Я самъ по части анекдотовъ былъ большой мастеръ. Спросите и теперь въ любомъ полку, какимъ былъ въ свое время генералъ Брокъ? Вамъ скажутъ. Конечно, теперь я немного поотсталъ, и не люблю бросать шутокъ на вѣтеръ. Вѣроятно, теперь между молодежью много новыхъ интересныхъ анекдотовъ ходитъ?

КОЦЕБУ. О, ваше превосходительство, какіе теперь чудные анекдоты разсказываютъ. Восторгъ!

БРОКЪ. По части анекдотовъ и подобныхъ развлеченій гвардія всегда стояла впереди остальныхъ войскъ. Впрочемъ, военному человѣку въ мирное время только и заниматься анекдотами и вообще удовольствіями. Говорите, разсказываютъ много новыхъ анекдотовъ?

КОЦЕБУ. Если позволите, ваше превосходительство, анекдотъ изъ жизни императрицы Екатерины II?

БРОКЪ. Изъ временъ Екатерины я могу разсказать вамъ такіе случаи, что пальчики оближете. А вы, молодой человѣкъ, въ отца. Покойникъ по части анекдотовъ и вообще

всякихъ шутокъ стоялъ выше актера. Анекдотами карьеру сдѣлалъ. Большимъ любителемъ анекдотовъ и этакихъ шутокъ былъ и покойный Аракчеевъ. Да, царство ему небесное, покойникъ былъ многимъ мнѣ обязанъ, но благодарности я отъ него никогда не видѣлъ. Ну, разскажите вашъ анекдотъ, молодой человѣкъ. Только не торопитесь. Анекдоты нужно разсказывать умѣючи.

КОЦЕБУ. Однажды, ваше превосходительство, императрица была не въ духѣ. Придворные голову потеряли, не зная, чѣмъ бы ее развлечь. И вотъ, одинъ молодой офицеръ, красавецъ собой, рѣшился на смѣлый шагъ: сбросилъ съ себя все и...

Входитъ Николай I.

БРОКЪ. Ваше величество, сейчасъ узналъ печальную новость о неожиданной смерти своего сослуживца, графа Алексѣя Андреича Аракчеева.

НИКОЛАЙ. Вы занимаете казенную квартиру въ третьемъ этажѣ?

БРОКЪ. Такъ точно, ваше величество.

НИКОЛАЙ. Вѣроятно, вамъ тяжело подниматься въ третій этажъ?

БРОКЪ. Ваше величество, осмѣлюсь доложить. Если у меня хватаетъ силъ служить вѣрой и правдой вашему величеству...

НИКОЛАЙ (перебивая). Очевидно, мнѣ служить легче, чѣмъ подниматься въ третій этажъ. Я бы вамъ посовѣтовалъ поискать квартиру въ нижнемъ этажѣ. (Уходитъ).

БРОКЪ (послѣ паузы). Не понимаю. Кому понадобилось устроить мнѣ такую пакость? Кто могъ наговорить на меня? И какъ нарочно, послѣдній мѣсяцъ я никуда не выходилъ, ничего не дѣлалъ. Странно. (Медленно выходитъ).

ОБОЛЕНСКІЙ. Государь поѣхалъ въ балетъ. Что ему вздумалось выйти этимъ ходомъ? Бѣдняга Брокъ и анекдота не дослушалъ.

КОЦЕБУ. Ахъ, балетъ, балетъ!..

ОБОЛЕНСКІЙ. О чемъ вздыхаете, графъ?

КОЦЕБУ. Ахъ, князь, не спрашивайте. Не растравляйте душевной раны.

ОБОЛЕНСКІЙ. Простите, графъ, если это секретъ.

КОЦЕБУ. О, я не въ силахъ перенести подобныхъ мученій! Сегодня у графини Шкуриной балъ, и тамъ будетъ она. Ахъ, какъ это ужасно, какъ ужасно!

ОБОЛЕНСКІЙ. Графъ, не предавайтесь отчаянію.

КОЦЕБУ. Я не могу, не могу! Знать, что она будетъ танцовать съ другими, что другіе будутъ ухаживать за ней, и сидѣть здѣсь, выше моихъ силъ! Клянусь, я еще никого не любилъ такъ, какъ ее люблю. Никакого сравненія! Непремѣнно напишу въ честь ея стихи. Я уже сочинилъ начало:

Когда умрешь ты, жалобно завоетъ вѣтеръ
Въ глуши степей, и забушуетъ море,
И небеса отъ грома содрогнутся
И бросятъ свой укоръ землѣ презрѣнной!
Тогда, не устрашася грозныхъ сихъ явленій,
Приду на холмъ я твой могильный,
Поникну тамъ главою сокрушенной
И, стеная, предамъ себя страданьямъ неземнымъ!

Какъ она божественно красива! О, князь, если бы вы ее видѣли! Если бы вы видѣли ея головку, глаза, ротикъ, ножку...

Тихо занавѣсъ.

Картина вторая.

Кабинетъ императора.
Николай I, Михаилъ Павловичъ и Блудовъ.

БЛУДОВЪ (читаетъ). Сверхъ сего, верховный уголовный судъ, сообразуясь съ высокомонаршимъ милосердіемъ, въ семъ самомъ дѣлѣ явленнымъ смягченіемъ казней и наказаній прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ, постановилъ: преступникамъ, коихъ вины, собственнымъ ихъ признаніемъ обнаруженныя, по особому свойству ихъ и степени, не входятъ въ вышепоименованные разряды, мучительную смерть четвертованіемъ замѣнить казнью черезъ повѣшеніе. Списокъ сихъ послѣднихъ преступниковъ: Вятскаго пѣхотнаго полка полковникъ Павелъ Пестель (32 лѣтъ), отставной подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ (32 лѣтъ), Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ (29 лѣтъ), Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Михайло Бестужевъ-Рюминъ (26 лѣтъ) и отставной поручикъ Петръ Каховскій (27 лѣтъ). — Таковое свое постановленіе верховный уголовный судъ имѣетъ честь всеподданнѣйше представить на монаршее благоусмотрѣніе и утвержденіе.

НИКОЛАЙ (звонитъ). Ввести преступниковъ.

Вводятъ Пестеля, Рылѣева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховскаго. У нихъ на ногахъ кандалы, руки сзади связаны веревками.

НИКОЛАЙ (нѣсколько мгновеній молча смотритъ на нихъ. Михаилу Павловичу). Вотъ они — господа республиканцы, спасители отечества! (Декабристамъ.) И вамъ не стыдно смотрѣть въ глаза своему императору?

ПЕСТЕЛЬ. Наша совѣсть покойна.

НИКОЛАЙ. Вы замарали мундиръ!

ПЕСТЕЛЬ. Мы не совершили никакого безчестнаго поступка.

НИКОЛАЙ. У измѣнниковъ нѣтъ чести. Вы вошли въ сношенія съ врагами Россіи, съ поляками.

КАХОВСКІЙ. Поляки, какъ и мы, борятся съ русскимъ правительствомъ за свои права.

НИКОЛАЙ. Вы покусились на права своего законнаго, самимъ Богомъ поставленнаго надъ Россіей императора.

ПЕСТЕЛЬ. Ваше величество, я лютеранинъ и не знаю, когда и какъ небо даровало русскимъ императорамъ ихъ права.

НИКОЛАЙ. Весь русскій народъ видитъ въ своемъ императорѣ избранника и помазанника Божьяго.

ПЕСТЕЛЬ. По своей темнотѣ народъ, какъ ребенокъ, долго еще будетъ жаловаться на палку, которая его бьетъ, а не на того, кто держитъ палку. Но благородно ли со стороны помазанниковъ Божьихъ пользоваться народной темнотой?

НИКОЛАЙ. Какъ ты сказалъ?

ПЕСТЕЛЬ. Если на землѣ нѣтъ опоры, ее указываютъ въ небѣ, а на землѣ ограждаютъ себя пулями и штыками.

НИКОЛАЙ. Ты слишкомъ дерзокъ! Тебя повѣсить мало, якобинецъ!

ПЕСТЕЛЬ. Легче всего повѣсить человѣка чужими руками.

НИКОЛАЙ. Даже крови такихъ, какъ вы, преступниковъ я не возьму на свою совѣсть. Васъ судъ осудитъ.

ПЕСТЕЛЬ. Наша смерть ничего не прибавитъ къ славѣ вашего величества.

НИКОЛАЙ. Я не ищу и не желаю славы отъ измѣнниковъ. Необходимо вѣшать преступниковъ. Того требуетъ польза отечества.

ПЕСТЕЛЬ. Пользу отечества можно смѣшивать съ личнымъ благополучіемъ.

НИКОЛАЙ. Такъ и поступаютъ крамольники. Они ведутъ подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ на измѣну, а нижніе чины даже не знаютъ, чего ищутъ.

ПЕСТЕЛЬ. Нижніе чины знали, чего добивались. Они искали облегченія своего невыносимо-тяжелаго положенія. Ваше величество, простите за вопросъ: облегчено ли положеніе нижнихъ чиновъ, оставшихся вѣрными вашему величеству?

НИКОЛАЙ. Русскій императоръ и самодержецъ не имѣетъ нужды подкупать своихъ подданныхъ. (Рылѣеву.) Ты молчишь?

РЫЛѢЕВЪ. Считаю лишнимъ говорить.

КАХОВСКІЙ. Ваше величество, позвольте мнѣ одинъ вопросъ. Неужели правда, что по приказанію вашего величества тѣла убитыхъ и даже раненыхъ четырнадцатаго декабря нижнихъ чиновъ ночью были брошены въ Неву?

НИКОЛАЙ. Правительство сдѣлало то, что требовалось для блага и спокойствія Россіи.

КАХОВСКІЙ. Ваше величество. Я не нахожу покоя. Я мучаюсь и день и ночь. Неужели правда, что герои, положившіе жизнь свою за благо родины, безъ гробовъ, безъ погребенія брошены ночью въ воду?

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. Ваше величество. Вы слишкомъ милостивы, разговаривая съ такими закоренѣлыми преступниками.

КАХОВСКІЙ. Ваше величество. Не въ первый разъ приводятъ насъ сюда. Не одинъ разъ допрашивали по одиночкѣ въ этомъ кабинетѣ и съ помощью угрозъ, обѣщаній, заискиваній и сочувствія выпытывали насъ. Мы разсказали все, даже и то, что таилось у каждаго въ душѣ. И все же мы попрежнему сидимъ въ холодныхъ, темныхъ и сырыхъ казематахъ той самой Петропавловской крѣпости, въ которой, по непонятной ироніи судьбы, находится усыпальница русскихъ императоровъ. Сидимъ и съ нетерпѣніемъ ждемъ суда, которому скажемъ, что мы невиновны. Мы — сыны двѣнадцатаго

года, когда надъ Россіей повѣяло благами свободы. Послѣ многихъ лѣтъ безпросвѣтнаго рабства блеснулъ, наконецъ, лучъ надежды. Облегченно вздохнулъ народъ, радостно забилось его сердце, и смѣло посмотрѣлъ онъ вокругъ себя. Но скоро снова нависли черныя тучи. Надъ Россіей полновластно воцарился Аракчеевъ и задавилъ въ ней всякую жизнь. Наступили худшія времена, чѣмъ были при татарскомъ игѣ. Тогда мы рѣшили встать за права народа. Порывомъ нашего сердца было жертвовать всѣмъ, даже жизнью, во имя любви къ отечеству. Въ нашихъ сердцахъ не было эгоизма, призываемъ въ свидѣтели самого Бога. Мы стремились снять съ народа позорное рабство, дать ему права верховной власти и свободу и поставить предъ равнымъ для всѣхъ судомъ присяжныхъ. Для достиженія намѣченной цѣли мы рѣшили не останавливаться ни передъ чѣмъ, даже передъ самыми крайними мѣрами. Ваше величество, мы думали о милліонахъ людей, изнывающихъ въ крѣпостной зависимости. Мы думали о тысячахъ, невинно томящихся по тюрьмамъ и каторгамъ, и о десяткахъ тысячъ, внѣ тюремъ оплакивающихъ дорогихъ имъ заключенныхъ. И неужели только потому, что наши намѣренія не удались, герои, которые шли съ нами за благо народа, заслужили такое позорное для вѣрующаго погребеніе?

НИКОЛАЙ. А вы думали о своихъ герояхъ, когда вели ихъ подъ пули?

КАХОВСКІЙ. Ваше величество. Мы не допускали мысли, что дѣло дойдетъ до кровопролитія. Мы были увѣрены, что русскій императоръ и самодержецъ самъ откажется отъ своихъ правъ для блага подданныхъ.

НИКОЛАЙ (показываетъ на дверь). Вонъ!

Декабристовъ выводятъ.

НИКОЛАЙ (подписываетъ опредѣленіе суда и отдаетъ Блудову). Немедленно исполнить.

Блудовъ выходитъ.

НИКОЛАЙ. На насъ нападаютъ, и намъ необходимо защищаться. Для собственнаго удовольствія вольнодумничали,—

чортъ бы ихъ побралъ, — а ты теперь расхлебывай. Покойный братъ разыгрывалъ изъ себя блаженнаго, и та, проклятая черная женщина, вертѣла хвостомъ, какъ сука, передъ разными Вольтерами. Постельный философъ строилъ изъ себя настоящаго философа. Исторія забавная.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. Съ дѣломъ декабристовъ давно нужно было покончить.

НИКОЛАЙ. Необходимо было довести разслѣдованіе до конца. Для правительства внутренніе враги гораздо опаснѣе внѣшнихъ. Теперь избавимся отъ нихъ.

Звонитъ. Входитъ Бенкендорфъ.

БЕНКЕНДОРФЪ. Имѣю честь доложить вашему величеству, что раскольники, самовольно дерзнувшіе явиться во дворецъ съ преступными цѣлями, не проявляютъ раскаянія и ни въ чемъ не сознаются.

НИКОЛАЙ. Плохо. Что сдѣлано на мѣстѣ?

БЕНКЕНДОРФЪ. На мѣстѣ ведется самое строгое разслѣдованіе. Всѣ участники заговора арестованы и посажены въ тюрьмы. Губернаторъ Козолуповъ за полную бездѣятельность будетъ представленъ къ увольненію отъ должности. Разрѣшите, ваше величество, представить на его мѣсто генерала Брока, человѣка испытанной храбрости и твердыхъ убѣжденій.

НИКОЛАЙ. Можно и Брока, лишь бы его изъ Петербурга убрать. Впредь на должности губернаторовъ представлять только военныхъ. Дальше.

БЕНКЕНДОРФЪ. Согласно приказанію вашего величества имѣю честь представить проектъ указа о вѣротерпимости.

НИКОЛАЙ. Читай.

БЕНКЕНДОРФЪ (читаетъ). Въ постоянномъ, по завѣтамъ предковъ, общеніи со святою православною церковью, неизмѣнно почерпая для себя отраду и обновленіе силъ душевныхъ, мы всегда имѣли сердечное стремленіе обезпечить и каждому изъ нашихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти. Озабочиваясь выполненіемъ тако-

выхъ намѣреній, отвѣчающихъ нашему завѣтному желанію укрѣпить начертанныя въ основныхъ законахъ имперіи Россійской начала вѣротерпимости, мы признали за благо таковыя утвердить. Призывая благословеніе Всевышняго на это дѣло мира и любви и уповая, что оно послужитъ къ вящшему возвеличенію православной вѣры, порождаемой благодатію Господнею, поученіемъ, кротостію и добрыми примѣрами . . .

НИКОЛАЙ. Читай конецъ.

БЕНКЕНДОРФЪ. А посему всемилостивѣйше повелѣваемъ: сообразно основнымъ законамъ считать православную вѣру господствующей религіей Россійской имперіи. О прочихъ, инославныхъ вѣрованіяхъ, поскольку таковыя могутъ быть терпимы рядомъ съ господствующей религіей, будетъ сдѣлано особое распоряженіе. — Сверхъ сего, по дѣламъ раскола необходимо учредить въ Петербургѣ центральный секретный совѣщательный комитетъ, съ цѣлью соединить духъ терпимости съ необходимыми мѣрами строгости. И учредить таковые же секретные комитеты въ другихъ городахъ изъ епархіальнаго архіерея, губернатора, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ и жандармскаго штабъ-офицера.

НИКОЛАЙ. Указать, что расколъ составляетъ вопіющее нарушеніе дисциплины, которое необходимо искоренять. Дальше.

БЕНКЕНДОРФЪ. Необходимо разослать губернаторамъ секретныя предписанія, чтобы всѣ мѣры, предполагаемыя вновь въ отношеніи раскольниковъ, проводились постепенно, безъ всякихъ оглашеній и послабленій, въ видѣ точнаго исполненія законнаго порядка. Кромѣ того, подтвердить губернаторамъ къ неуклонному исполненію прежнія распоряженія: объ усиленіи полиціи въ мѣстахъ жительства раскольниковъ, о постепенномъ упраздненіи скитовъ, монастырей, кладбищенскихъ заведеній и прочихъ противозаконныхъ раскольничьихъ сборищъ; о воспрещеніи отлучки раскольникамъ, проживавшимъ въ скитахъ; о запрещеніи утверждать раскольниковъ въ общественныхъ должностяхъ и представлять ихъ къ награ-

дамъ; объ обложеніи рублевымъ сборомъ каждой раскольничьей души въ пользу православныхъ церквей.

НИКОЛАЙ. Все исполнить. А ты знаешь, что на дежурство во дворецъ попадаютъ каламбуристы?

БЕНКЕНДОРФЪ. Ваше величество, приняты всѣ мѣры. Въ казармахъ произведены самые тщательные обыски. Кромѣ главныхъ зачинщиковъ арестованы восемь человѣкъ. Подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ ведется самое строгое разслѣдованіе.

НИКОЛАЙ. Можешь не принимать никакихъ мѣръ, но, разъ навсегда помни, чтобы не только во дворцѣ, но и во всей Россіи не было ни одного каламбуриста. Слышишь?.. Ступай!

Быстро входитъ генералъ Чернышевъ.

ЧЕРНЫШЕВЪ. Имѣю честь донести вашему величеству, что изъ повѣшенныхъ преступниковъ трое сорвались.

НИКОЛАЙ. Какъ сорвались?

ЧЕРНЫШЕВЪ. Сорвались, ваше величество. И одинъ изъ нихъ сказалъ: „проклята страна, въ которой и повѣсить не умѣютъ".

НИКОЛАЙ. Повѣсить вторично. И если еще кто-нибудь сорвется, я прикажу васъ всѣхъ повѣсить. Доказать имъ, что въ Россіи умѣютъ вѣшать... преступниковъ. Ступай!

Чернышевъ и Бенкендорфъ выходятъ.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. Не волнуйся. Сейчасъ все кончится.

НИКОЛАЙ. Хорошо тебѣ разсуждать. А я, какъ императоръ, отвѣчаю передъ исторіей за каждую висѣлицу.

Звонитъ. Входитъ графъ Нессельроде.

НЕССЕЛЬРОДЕ. Имѣю честь доложить вашему императорскому величеству, что, по донесенію русскій посланника, освободительный движеніе въ Италія все возрастаетъ и уже сильно угрожалъ Австріи. И теперь Австрія, — какъ сказать, — требуется въ помощи.

НИКОЛАЙ. Долгъ правительства поддерживать власть вездѣ, гдѣ она существуетъ, подкрѣплять ее тамъ, гдѣ она слабѣетъ, и защищать тамъ, гдѣ на нее открыто нападаютъ. Австріи, какъ нашей ближайшей сосѣдкѣ, необходимо помочь. Довольно съ насъ одной Франціи.

НЕССЕЛЬРОДЕ. Ваше величество. Нашъ посланникъ доноситъ мнѣ вчера, что въ Парижѣ готовится къ постановкѣ на сцену драма, въ которомъ играется личность вашего величества.

НИКОЛАЙ. Дать знать посланнику, что я пришлю десять тысячъ русскихъ солдатъ слушать драму, если ее вздумаютъ поставить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ подтвердить нашему посланнику въ Берлинѣ, чтобы онъ неослабно слѣдилъ за германской печатью и пресѣкалъ всякія злоупотребленія и вольнодумства.

НЕССЕЛЬРОДЕ. Слушаю, ваше величество. Освободительный движеніе вездѣ, и во Францiя, и въ Бельгiя, и теперь въ Италія, усиливается и, — какъ сказать, — разсыпается. Только въ Россія, благодаря забота вашего величества, сохраняется прежняя, истинно патріархальная строй.

НИКОЛАЙ. И сохранится. Въ Россіи ни вольнодумства, ни освободительнаго движенія я не допущу. (Звонитъ). Министра финансовъ.

Входитъ Канкринъ.

НИКОЛАЙ. Отпустить заимообразно изъ государственнаго казначейства шесть милліоновъ рублей австрійскому правительству.

КАНКРИНЪ. Ваше величество, изъ русскаго казначейства?

НИКОЛАЙ. Развѣ русскій императоръ не имѣетъ права распорядиться доходами русскаго государства?

КАНКРИНЪ. Имѣю шесть доложить вашему велишеству, что въ казнашействѣ въ настоящее время не имѣется свободныхъ рессурсовъ. Я только хотѣлъ вводитъ въ русскіе финансы строгая система.

НИКОЛАЙ. Съ системой придется обождать. Какой же изъ васъ министръ финансовъ, если вы не въ состояніи отыскать источниковъ дохода? И у всѣхъ министровъ финансовъ такая нехорошая манера — заявляютъ, что денегъ неоткуда взять, а потомъ сами же отыскиваютъ источники. Немедленно отпустить австрійскому правительству шесть милліоновъ рублей. (Нессельроде.) Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстить австрійское правительство, что русскій императоръ обѣщаетъ, въ случаѣ надобности, направить всѣ, находящіяся въ его распоряженіи, военныя силы на защиту австрійскаго владычества въ Ломбардіи противъ Піемонта и Франціи.

НЕССЕЛЬРОДЕ. О, ваше величество. Русскіе императоры всегда отличался, — какъ сказать, — безпримѣрнымъ великодушіемъ. Гдѣ только нужна была помощь, русскіе императоры всегда посылалъ русскіе солдатъ сражаться за другихъ.

Нессельроде и Канкринъ уходятъ.

НИКОЛАЙ. Только Россіи никто никогда не помогалъ. Впрочемъ, русскій императоръ и не можетъ нуждаться въ посторонней помощи. Что это не является Дибичъ?

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ. Нельзя же вдругъ.

НИКОЛАЙ. Но время идетъ.

Быстро входитъ Дибичъ.

ДИБИЧЪ. Все кончено, ваше величество. Войска держали себя съ достоинствомъ, а злодѣи вели себя такъ же подло, какъ и въ началѣ.

НИКОЛАЙ. Благодарю Бога, что все окончилось благополучно. Я вполнѣ былъ увѣренъ, что герои четырнадцатаго декабря не выкажутъ въ этомъ случаѣ болѣе храбрости, нежели нужно. Прошу васъ быть сегодня какъ можно осторожнѣе и прошу передать Бенкендорфу, чтобы онъ удвоилъ свою бдительность и вниманіе. Вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ благодарить васъ, баронъ, за неутомимые труды ваши и за благоразумныя распоряженія, коими предупредили вы замыслы злѣйшихъ измѣнниковъ, готовившихся поднятч

знамя бунта во второй арміи. Отъ лица отечества примите черезъ меня совершенную признательность. Завтра, въ присутствіи августѣйшаго семейства, на Сенатской площади будетъ отслужено митрополитомъ благодарственное молебствіе, въ очищеніе площади отъ посрамившихъ ее злодѣяній. Послѣ молебствія — парадъ всѣмъ войскамъ.

Занавѣсъ.

Третье дѣйствіе

Картина первая

Гостиная во дворцѣ.
Жуковскій и Александръ Николаичъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Теперь, по случаю рожденія брата, готовится манифестъ. Мнѣ не нравится самый языкъ манифеста: напыщенный и совершенно непонятный.

ЖУКОВСКІЙ. Важность слога соотвѣтствуетъ серьезности трактуемаго предмета.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Манифестомъ дается помилованіе осужденнымъ и слагаются недоимки. Почему больше ни о чемъ не пишется въ манифестѣ?

ЖУКОВСКІЙ. О чемъ же больше писать? Императоръ оказываетъ подданнымъ милости, какія онъ въ силахъ сдѣлать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Развѣ императоръ больше ничего не въ силахъ сдѣлать?

ЖУКОВСКІЙ. Императоръ, какъ самодержецъ, въ силахъ все сдѣлать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Почему же онъ ничего больше не дѣлаетъ? Почему онъ не сдѣлаетъ такъ, чтобы всѣ его подданные были счастливы, богаты, здоровы?

ЖУКОВСКІЙ. Странный вопросъ. Человѣка никто не можетъ сдѣлать счастливымъ, кромѣ его самого.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Значитъ, императоръ только и въ силахъ сдѣлать человѣка несчастнымъ?

ЖУКОВСКІЙ. Ваше высочество, что вы говорите? Я уже сказалъ, что императоръ все въ силахъ сдѣлать: дать мѣсто, увеличить жалованье, наградить орденомъ, чиномъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Позвольте, Василь Андреичъ. Если императоръ не въ силахъ сдѣлать человѣка счастливымъ, и не въ силахъ сдѣлать несчастнымъ, что же онъ тогда въ силахъ сдѣлать? Я думаю, что несчастнымъ человѣка всегда можно сдѣлать.

ЖУКОВСКІЙ. Я бы просилъ ваше высочество не заниматься подобными вопросами. Вы еще слишкомъ молоды для нихъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Вы сами учите меня, чтобы я всегда говорилъ правду.

ЖУКОВСКІЙ. Но для рѣшенія такихъ сложныхъ и глубокихъ вопросовъ необходимъ продолжительный житейскій опытъ. Императоръ данной ему отъ Бога властью оберегаетъ государство отъ внѣшнихъ враговъ, поддерживаетъ въ немъ порядокъ и направляетъ его жизнь по правильному руслу.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Вотъ теперь будутъ сложены недоимки. Зачѣмъ это дѣлается? Если человѣкъ не въ состояніи уплатить повинностей, съ него нечего и взыскивать. А если человѣкъ не желаетъ уплачивать повинностей, ему не слѣдуетъ прощать недоимки.

ЖУКОВСКІЙ. Ваше высочество. Для того, чтобы управлять государствомъ, необходимы деньги. Деньги для управленія собираются, въ видѣ повинностей, со всѣхъ гражданъ. И всѣ граждане обязаны участвовать въ несеніи государственныхъ налоговъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Недоимки прощаютъ, а налоги усиливаютъ и дѣлаютъ все новые займы. Или еще — будутъ помилованы преступники. Если преступниковъ потому лишили свободы, что они вредны для общества, тогда вредныхъ людей не слѣдуетъ выпускать на свободу. А если преступники не вредны для общества, тогда ихъ не для чего было лишать свободы.

ЖУКОВСКІЙ. Преступникамъ дается помилованіе и уменьшается наказаніе по случаю выдающагося событія въ августѣйшей семьѣ, — событія, заставляющаго радоваться всю Россію. Преступникъ, получившій помилованіе, проникнется благодарностью къ даровавшему ему свободу, исправится и сдѣлается хорошимъ членомъ общества и истиннымъ вѣрноподданнымъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Тогда слѣдуетъ дать помилованіе всѣмъ осужденнымъ?

ЖУКОВСКІЙ. Всякое помилованіе имѣетъ значеніе только тогда, когда даруется въ видѣ исключенія.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Странно. По случаю рожденія сына государь выпускаетъ изъ тюрьмы преступника, который убилъ человѣка... Вы сказали, Василь Андреичъ, что рожденію брата радуется вся Россія. Зачѣмъ же тогда разсылаются приказанія служить литургіи и благодарственныя молебствія?

ЖУКОВСКІЙ. Для порядка и чтобы гдѣ-нибудь не забыли. Россія велика. Кромѣ того, и самый манифестъ читается послѣ литургіи передъ молебствіемъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Василь Андреичъ. Неужели вы увѣрены, что рожденію моего брата радуется...

Входитъ Николай I.

НИКОЛАЙ. Отдыхаете?

ЖУКОВСКІЙ. Я разрѣшилъ его высочеству маленькую передышку послѣ своего урока.

НИКОЛАЙ (Александру Николаичу). Отдохнулъ, теперь иди заниматься. Отдыхъ не долженъ превышать извѣстной, разумной нормы. Наслѣдникъ престола обязанъ усиленно заниматься; но, Саша, я тебѣ всегда говорилъ и теперь повторяю: обращай особенное вниманіе на военныя науки. Все остальное — чепуха.

Александръ Николаичъ уходитъ.

НИКОЛАЙ. Сегодня парадъ удался на рѣдкость. Войска

блестѣли на солнцѣ, какъ игрушка. Впрочемъ, тебя мало интересуетъ военное дѣло. Какъ ваши занятія?

ЖУКОВСКІЙ. Превосходно, ваше величество. Такой ученикъ можетъ только радовать учителя. Но, долженъ сознаться, пытливый умъ его высочества очень нерѣдко ставитъ меня въ совершенно безвыходное положеніе.

НИКОЛАЙ. А ты присылай его высочество ко мнѣ въ затруднительныхъ случаяхъ. Я быстро разрѣшу ему всѣ философіи.

ЖУКОВСКІЙ. Чувствую, что я не въ силахъ руководить своимъ царственнымъ питомцемъ.

НИКОЛАЙ. А ты помнишь, Василь Андреичъ, какъ воспитывали меня? Отъ меня рѣдко отходила палка. Покойный Ламсдорфъ все дѣлалъ наперекоръ мнѣ. А теперь я благодарю своего воспитателя: императору необходимы твердый характеръ и желѣзная воля.

ЖУКОВСКІЙ. Ваше величество, императору необходимы также доброта и мягкость.

НИКОЛАЙ. Не спорю, но и твердость необходима: въ рукахъ императора судьба цѣлаго государства. И Сашѣ пора уже серьезно приниматься за ружье. Кстати, скоро нужно будетъ и женить молодца. Благо, въ послѣднее время онъ началъ усердно тереться возлѣ бабьихъ юбокъ.

ЖУКОВСКІЙ. Женское общество смягчаетъ нравы мужчинъ.

НИКОЛАЙ. Знаемъ мы, какъ женщины смягчаютъ наши нравы. Впрочемъ, ты — поэтъ, и мы никогда не сойдемся. Ба! Забылъ обрадовать тебя новостью: въ Петербургъ пріѣхалъ Пушкинъ и теперь ждетъ пріема. Пошли его сюда, а потомъ будете бесѣдовать по душѣ сколько угодно.

ЖУКОВСКІЙ. Ваше величество. Пріѣздъ Александра Сергѣича дѣлаетъ для меня будни свѣтлымъ праздникомъ. При немъ я снова переживаю свою юность, свои несбывшіяся мечты, и легче мнѣ нести бремя своего одиночества.

Жуковскій выходитъ. Входитъ Пушкинъ.

НИКОЛАЙ. Здравствуй, Пушкинъ.

ПУШКИНЪ. Имѣю честь явиться послѣ возвращенія изъ Крыма.

НИКОЛАЙ. Очень радъ. Я бы давно разрѣшилъ тебѣ пріѣхать въ Петербургъ, но ты самъ стоялъ между своимъ возвращеніемъ и моимъ желаніемъ. Какъ поживаешь?

ПУШКИНЪ. Плохо, ваше величество.

НИКОЛАЙ. Почему? Ты самъ писалъ: „но вреденъ сѣверъ для меня.“ Теперь ты пожилъ на югѣ, въ Крыму.

ПУШКИНЪ. Ваше величество, въ Россіи для поэта всѣ климаты одинаково вредны. Въ ссылку я поѣхалъ въ Крымъ, въ ссылкѣ жилъ тамъ, въ ссылку возвратился въ Петербургъ и вездѣ, какъ какой-нибудь воришка, нахожусь подъ надзоромъ полиціи.

НИКОЛАЙ. Ты долженъ благодарить правительство за то, что оно о тебѣ заботится. По своему безпечному характеру ты, вѣроятно, никогда не побывалъ бы въ Крыму.

ПУШКИНЪ. Все же, ваше величество, было бы гораздо полезнѣе и пріятнѣе, если бы выборъ мѣстожительства былъ предоставленъ мнѣ самому. Но ужаснѣе всего то, что нѣтъ уголка, куда бы не проникалъ генералъ Бенкендорфъ. Право, онъ больше заботится обо мнѣ, чѣмъ я самъ.

НИКОЛАЙ. А ты сдерживайся и старайся ладить съ Бенкендорфомъ.

ПУШКИНЪ. По принужденію можно быть рабомъ, но не поэтомъ, ваше величество. Ладить же съ Бенкендорфомъ я не желаю. Поэты рождаются, а Бенкендорфы только назначаются, а, слѣдовательно, и увольняются.

НИКОЛАЙ. А поэты ссылаются. Бенкендорфы назначаются высочайшей властью и должны исполнять свои обязанности.

ПУШКИНЪ. Простите, ваше величество, но поэту ладить съ палачемъ не приходится.

НИКОЛАЙ. Какъ ты сказалъ?

ПУШКИНЪ. Ваше величество, тяжело муки сердца своего отдавать на поруганіе какому то Бенкендорфу.

НИКОЛАЙ. И палачи необходимы въ государствѣ.

ПУШКИНЪ. Нехорошо, если палачи занимаютъ слишкомъ высокое положеніе въ государствѣ. Еще хуже, когда въ государствѣ выгоднѣе всего быть палачемъ. Хотя бы мнѣ избавиться отъ отношеній Бенкендорфа: „Титулярному совѣтнику изъ дворянъ Александру Пушкину“...

НИКОЛАЙ. Видишь ли, титулярный совѣтникъ изъ дворянъ, своимъ языкомъ ты самъ вооружилъ противъ себя всѣхъ. Все общество противъ тебя.

ПУШКИНЪ. Общество не противъ меня. Противъ меня та испорченная часть общества, которая, къ сожалѣнію, всегда окружаетъ ваше величество.

НИКОЛАЙ. Что мнѣ съ тобой дѣлать, Пушкинъ?

ПУШКИНЪ. Ваше величество, предоставьте мнѣ полную свободу. Я самъ для себя буду и судьей и палачемъ. До сихъ поръ въ Россіи разрѣшалась свобода языка, пора уже разрѣшить и свободу слова. Бенкендорфъ не даетъ мнѣ возможности свободно дышать, не то что мыслить.

НИКОЛАЙ. Нѣтъ, нѣтъ, такъ невозможно. Мы вотъ что сдѣлаемъ. Съ сегодняшняго дня я самъ буду твоимъ цензоромъ. Все, что напишешь, присылай мнѣ.

ПУШКИНЪ. Приношу искреннюю благодарность вашему величеству за такую милость. Я никогда не прятался и всегда платился за свою откровенность.

НИКОЛАЙ. Но, имѣй въ виду, отъ Бенкендорфа ты и теперь не избавишься... Удивительно, почему поэты всегда являются врагами правительства?

ПУШКИНЪ. Такова природа поэта: быть врагомъ насилія.

НИКОЛАЙ. А скажи откровенно, Пушкинъ, ты принялъ бы участіе въ мятежѣ, если бы четырнадцатаго декабря былъ въ Петербургѣ?

ПУШКИНЪ. Безусловно, ваше величество, принялъ бы самое дѣятельное участіе. (Увлекшись, подходитъ задомъ къ столу и опирается на него руками. Николай отворачивается.) Пестель, Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ, Каховскій!.. Они

живыми стоятъ передо мной!.. Какіе это честные и благородные люди!.. Какъ они были преданы своей идеѣ!.. Изъ нихъ каждый носилъ въ груди священный огонь народнаго вождя... Ихъ имена всегда будутъ служить свѣточемъ...

НИКОЛАЙ. Оставимъ этотъ разговоръ.

ПУШКИНЪ. Какъ угодно вашему величеству.

НИКОЛАЙ. Пушкинъ, — я говорю вполнѣ серьезно, — не вздумай писать о декабристахъ. Слышишь?

ПУШКИНЪ. Ваше величество. Они для меня слишкомъ близки, слишкомъ дороги для того, чтобы я могъ спокойно изобразить...

НИКОЛАЙ. И прекрасно. Можетъ быть еще что-нибудь скажешь?

ПУШКИНЪ. Осмѣлюсь просить ваше величество за Шевченка и за Полежаева.

НИКОЛАЙ. Напрасно будешь просить.

ПУШКИНЪ. Великіе люди, гордость народа, гибнутъ въ ссылкѣ, лишенные права писать, читать и даже говорить.

НИКОЛАЙ. Великіе люди для правительства гораздо опаснѣе обыкновенныхъ. Да и что такое великій человѣкъ? Сегодня ты — великій человѣкъ, а завтра я — великій человѣкъ.

ПУШКИНЪ. Поэтъ и самъ по себѣ слишкомъ нѣжное созданіе. Поэтъ никогда не можетъ принести зла. Онъ такъ любитъ человѣчество, такъ страдаетъ за него своей душой...

НИКОЛАЙ. Нѣтъ, нѣтъ. За Полежаева не проси, а за Шевченка тѣмъ болѣе. Слишкомъ рано, пусть послужатъ.

ПУШКИНЪ. Ваше величество. Для государства позорно и опасно, когда его лучшіе люди гибнутъ въ ссылкѣ, или вынуждены скитаться за-границей.

НИКОЛАЙ. О безопасности государства предоставь судить мнѣ и моимъ, какъ ты выразился, палачамъ. Теперь пойди, повидайся съ Жуковскимъ, а я, тѣмъ временемъ, повидаюсь съ Кокошкинымъ. У каждаго человѣка свои интересы. Съ тобой мы еще увидимся.

Пушкинъ выходитъ. Входитъ Кокошкинъ.

КОКОШКИНЪ. Имѣю честь доложить вашему императорскому величеству, что во ввѣренномъ мнѣ городѣ все обстоитъ благополучно.

НИКОЛАЙ. Какой же изъ тебя оберъ-полицеймейстеръ, если ты не знаешь, что уворована александровская колонна?

КОКОШКИНЪ. Никакъ нѣтъ, ваше величество. Александровская колонна съ каждымъ днемъ царствованія вашего величества все больше возвышается и укрѣпляется.

НИКОЛАЙ. И все же ты плохой оберъ-полицеймейстеръ, если у тебя всегда и все благополучно. Значитъ, ты не нуженъ?

КОКОШКИНЪ. Если бы вашему величеству благоугодно было палку назначить оберъ-полицеймейстеромъ, и палкѣ обязаны повиноваться.

НИКОЛАЙ. Правильно ты разсуждаешь. Молодецъ.

КОКОШКИНЪ. Осмѣлюсь всеподданнѣйше доложить вашему величеству, что въ городѣ замѣчается недостатокъ.

НИКОЛАЙ. Ну?

КОКОШКИНЪ. Оберъ-полицеймейстеръ имѣетъ слишкомъ малый чинъ, ваше величество.

НИКОЛАЙ. А, ты вонъ куда мѣтишь? Благо, что иностранныя державы не успѣли еще пронюхать о такомъ упущеніи. Ладно. Пусть оберъ-полицеймейстеръ будетъ генералъ-адъютантомъ.

КОКОШКИНЪ. Радъ стараться, ваше императорское величество. Милость вашего величества не прибавитъ мнѣ ума и усердія, но силы мои удесятеритъ.

НИКОЛАЙ. Какъ сегодня парадъ удался, Кокошкинъ. Заглядѣнье.

КОКОШКИНЪ. Подъ мудрымъ управленіемъ вашего величества русскія войска всегда будутъ самыми лучшими въ мірѣ.

НИКОЛАЙ. Да, я доволенъ войсками. Вижу, что мои труды не пропали. Впрочемъ, занятія съ войсками составляютъ для меня истинное и единственное наслажденіе.

КОКОШКИНЪ. Величіе государства всегда измѣряется состояніемъ его войскъ

НИКОЛАИ. Правильно, правильно. Въ Петербургъ пріѣхалъ Пушкинъ. Къ нему необходимо относиться снисходительнѣе.

КОКОШКИНЪ. Слушаю, ваше величество.

НИКОЛАЙ. Нравится онъ мнѣ за свой откровенный, прямой характеръ. Его писанья меня мало интересуютъ, но пусть пишетъ, Богъ съ нимъ. Съ сегодняшняго дня я самъ буду его цензоромъ.

КОКОШКИНЪ. Ваше величество. Позвольте выразиться откровенно: я боюсь Пушкина. У него и лицо какое то, извините, странное, даже неприличное.

НИКОЛАЙ. Не бойся. Мы его будемъ сдерживать.

КОКОШКИНЪ. Слушаю. Кромѣ никакихъ распоряженій вашему величеству не благоугодно будетъ сдѣлать?

НИКОЛАЙ. Никакихъ. Впрочемъ, распорядись, чтобы меньше пылили на улицахъ. Сегодня принцесса Шарлотта жаловалась мнѣ, что ее всю запылили. Да перемѣни постового квартальнаго на углу Невскаго и Садовой. Поставилъ какого то дурака: чести не умѣетъ отдать.

Быстро входитъ Дибичъ. Кокошкинъ выходитъ.

НИКОЛАЙ. А, это ты. Отправляйся немедленно въ Польшу и покажи свою обычную храбрость и распорядительность. Я въ тебѣ увѣренъ. Войска, придвинутыя къ западной границѣ для помощи Бельгіи, теперь пригодились намъ самимъ.

ДИБИЧЪ. Ваше величество, ручаюсь подавить мятежъ однимъ ударомъ.

НИКОЛАЙ. Такъ и слѣдуетъ. Не давай никакой пощады мятежникамъ. А потомъ, послѣ усмиренія, мы у нихъ отнимемъ конституцію. Слишкомъ большой свободой они пользовались до сихъ поръ. Довольно. Я хочу въ сообществѣ съ правящей Западной Европой показать якобинцамъ, что я ихъ не боюсь, и что власть имущіе сойдутъ со сцены, если

то Всевышнему угодно будетъ, послѣ безпощадной борьбы и только съ оружіемъ въ рукахъ. Необходимо также употребить всѣ усилія, чтобы русская учащаяся молодежь осталась незатронутой вредными ученіями, и чтобы послѣднія остались неизвѣстными низшимъ классамъ. Высшее образованіе для низшихъ классовъ только вредно. Да и вообще образованіе необходимо разрѣшать въ той мѣрѣ и направленіи, въ какихъ оно выгодно для правительства.

Занавѣсъ.

Картина вторая

На первомъ планѣ, немного къ сторонѣ, громадное дерево. За деревомъ, вдоль сцены, дорога. За дорогой поле.

Нѣсколько крестьянъ, между ними старикъ, выравниваютъ дорогу.

КРЕСТЬЯНИНЪ. Когда, дѣдушка, косить будемъ?

СТАРИКЪ. Создатель вѣдаетъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ. А солнышко пригрѣваетъ.

СТАРИКЪ. Охъ, пригрѣваетъ сердечное.

КРЕСТЬЯНИНЪ. И прошлымъ лѣтомъ равняли, равняли дорогу, пошелъ дождь, пропали наши труды.

СТАРИКЪ. Такъ и теперь пропадутъ.

Подходитъ странникъ.

СТРАННИКЪ. Здравствуйте, землячки. Богъ на помощь.

СТАРИКЪ. И тебѣ Богъ на помощь, странничекъ. Откуда Богъ несетъ?

СТРАННИКЪ. По святымъ мѣстамъ хожу, землячекъ. По какому случаю работаете?

СТАРИКЪ. Дорогу равняемъ, а на что, про то сами не вѣдаемъ. Одни баютъ, будто война будетъ, а другіе баютъ, будто царь будетъ ѣхать. Не разберешь.

СТРАННИКЪ. Подлинно не разберешь. Охо-хо-хо-хо! Тяжелыя времена наступили, православные. Плохое пошло на святой Руси. Трусъ, голодъ и моръ придутъ на землю и поразятъ люди и скотъ. А нашимъ дѣтямъ будетъ того

хуже. (Крестьяне тяжело вздыхаютъ.) И пошлетъ ангелъ смерть на первенцевъ правителей и умертвитъ ихъ, и сдѣлается земля неплодящей, и выдохнетъ рыба во вмѣстилищахъ водныхъ, и рѣки высохнутъ въ своихъ истокахъ. (Крестьяне вздыхаютъ.) И вы терпите, родимые?

СТАРИКЪ. Терпимъ, кормилецъ.

СТРАННИКЪ. Я всю Россію прошелъ, и всюду терпитъ крестьянство. Охъ, озлобилась душа народная, и конца нѣту той злобѣ. Я на своемъ вѣку четвертаго царя переживаю, а нашему брату все хуже. И я теперь такъ говорю, дѣтки мои, проклятъ и тотъ, кто ждетъ лучшаго. (Пауза. Крестьяне вздыхаютъ.) Истинно сказано: не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія.

СТАРИКЪ. Какъ же ты, странничекъ, и землицу свою и хозяйство бросилъ?

СТРАННИКЪ. И землицу, и жену, и отца съ матерью бросилъ и отъ своего мучителя ушелъ. Тяжко стало, братцы, такъ тяжко, все бросилъ и ушелъ. И въ писаніи сказано: отойди отъ зла и сотвориши благо. Сорокъ лѣтъ хожу по святымъ мѣстамъ, христовымъ именемъ питаюсь. Хожу и смотрю, гдѣ хуже крестьянству живется. И всюду теперь плохо нашему брату. Прежде была вольница на Волгѣ-матушкѣ, на Дону была вольница, теперь — шабашъ. У хохловъ была вольница. Теперь нигдѣ на Руси нѣту вольницы.

СТАРИКЪ. Правда твоя, странничекъ, правда.

СТРАННИКЪ. Истинная правда, землячекъ. И негдѣ теперь укрыться отъ кнута... Хочу, братцы, пройти за Волгу, къ старовѣрамъ, а тамъ, съ Божьей помощью, думаю пройти въ Сибирь-матушку. Можетъ тамъ еще осталась волюшка.

СТАРИКЪ. Далекую дорогу задумалъ ты, странничекъ.

СТРАННИКЪ. Далекую, родимые. Хочу передъ смертью посмотрѣть вольную-волюшку... Ходилъ со мною, братцы, одинъ странничекъ. Такъ себѣ человѣчекъ безъ роду, безъ племени. И случилось намъ заночевать съ нимъ подъ Илью пророка въ лѣсу, и увидѣлъ онъ небесное явленіе...

СТАРИКЪ (глянувши въ сторону). Проходи, странничекъ. Иди логомъ, прямо въ нашу деревню.

Странникъ быстро уходитъ. Крестьяне принимаются за работу. Выходятъ два капитанъ-исправника. За ними солдатъ несетъ коверъ, подушки и погребокъ. Исправники останавливаются передъ крестьянами. Крестьяне снимаютъ шапки. Солдатъ, тѣмъ временемъ, разстилаетъ подъ деревомъ коверъ и разставляетъ выпивку и закуски.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ (указывая въ сторону ушедшаго странника). Это кто былъ?

СТАРИКЪ. Странникъ, вашескородіе. По святымъ мѣстамъ ходитъ.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. О чемъ говорилъ? Не спрашивалъ, для чего дорогу равняете?

СТАРИКЪ. Никакъ нѣтъ, вашескородіе, не спрашивалъ. Водицы просилъ испить.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Знаю я вашу водицу, старая собака! Шатаются проходимцы! Только народъ мутятъ. Жалко, что у меня нѣтъ времени учинить ему допросъ. Чего стали? (Второму исправнику, указывая на старика.) Смотри, стоитъ и молчитъ, а свое, мерзавецъ, думаетъ. Вотъ что досадно! (Крестьянамъ.) Чего, говорю, стали? Привыкли бездѣльничать. Проходи дальше. У, хамское отродье! (Крестьяне уходятъ. Солдату.) Смотри у меня, пока зубы цѣлы. Видишь? (Показываетъ кулакъ.) Провались, исчезни! (Солдатъ уходитъ.)

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Вотъ спасибо, что навѣстилъ сосѣда, по гробъ не забуду. Скука такая, по рюмкѣ выпить не съ кѣмъ. (Пьютъ.) Люблю я, братъ, это мѣсто. Отъ дому близко, подъ деревцомъ, и жены нѣту. Знаешь, я у жены изъ дураковъ не выхожу. Что ты подѣлаешь съ проклятой бабой! Ну, давай выпьемъ. (Пьютъ.)

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Не гони очень. Мы за обѣдомъ уже выпили.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Вспомнилъ. То было за обѣдомъ, а тутъ подъ деревцомъ. Пей, глупѣй будешь.

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Будешь гнать, много не выпьемъ.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Подъ деревцомъ? Все выпьемъ и еще пошлемъ. Я братъ, съ горя пью. Тутъ баба, а тутъ хамы. (Указываетъ въ сторону ушедшихъ крестьянъ.) То есть какъ меня эти хамы раздражаютъ! Видѣть не могу! Живучи, проклятые, ни чѣмъ не доймешь!

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. А, въ самомъ дѣлѣ, не слыхалъ, для чего дорогу равняютъ?

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. А чортъ ихъ знаетъ, для чего. Приказали, и равняемъ. Прикажутъ людей вѣшать, будемъ людей вѣшать. На то служба. Ну! (Пьютъ.) Если бъ я былъ царемъ, я бы всѣхъ хамовъ перевѣшалъ. Честное слово!

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Ого, куда хватилъ! Мы не цари и царями никогда не будемъ, нечего и толковать о пустякахъ.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Ты полагаешь? Думаешь, что я не сумѣлъ бы парады устраивать, да писать: „быть по сему“, да милліоны получать? Не безпокойся, не хуже другихъ былъ бы... Конечно, наша несчастная доля: только и удовольствія, что съ пріятелемъ подъ деревцомъ по рюмочкѣ выпьешь... Самъ, братъ, въ Петербургѣ служилъ, и все знаемъ. Посторонній никогда не повѣритъ, что тамъ дѣлается, а мы все знаемъ. Молчи, да пей, глупѣе будешь. (Пьютъ.) Въ Петербургѣ служилъ, при блескѣ, а вотъ теперь въ этой проклятой трущобѣ пропадаю. И всю жизнь терплю за то, что имѣю голову на плечахъ. А умныхъ людей у насъ, братъ, не любятъ. Выдѣляться будешь, а имъ неловко.

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. И царямъ не легко живется.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. То-то хоть одинъ изъ нихъ отъ чахотки умеръ, или отъ голода опухъ.

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. И цари разно умираютъ. Павла убили. Ахнули въ високъ, а потомъ придушили. Языкъ вывалилъ, какъ быкъ. И Александра убили въ Таганрогѣ.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. А ты откуда знаешь про Александра?

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Всѣ говорятъ.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Умные говорятъ, чтобы дураки слушали. А ты заглядывалъ въ гробъ? Можетъ, пустой гробъ везли?

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Разсказывай. И для чего будутъ пустой гробъ везти?

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Эхъ ты—простота! Для политики, братъ, и мертваго живымъ сдѣлаютъ. И имъ нужно крутиться. А за подобные разговоры про Александра тебя такъ законопатятъ, что и свѣта не увидишь. И ты пропадешь, и семья твоя пропадетъ. Безъ суда и слѣдствія пропадешь къ чорту! Знаешь наши порядки? Пей, говорю, глупѣе будешь. (Пьютъ.) А про Александра я тебѣ всю правду скажу. Они, братъ, тоже не дураки. Одинъ за другого, какъ тараканы, цѣпляются. Какъ увидѣлъ Александръ, что дѣло плохо, переодѣлся и махнулъ живымъ духомъ изъ Таганрога въ Петербургъ, а тамъ, передъ смертью, позвалъ въ свою опочивальню Николая и на ухо сказалъ ему: „Смотри, братъ, въ оба, потому у тебя будутъ одни враги. Остерегайся. Особенно остерегайся Аракчеева, потому у него свое на умѣ“. Сказалъ, а потомъ какъ началъ плевать, такъ оплеваннымъ и умеръ.

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Чего же онъ плевалъ?

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Отъ внутренней болѣзни плевалъ. Они, почитай, всѣ оплеванными умираютъ. А для политики Дибичъ въ Таганрогѣ поставилъ на колесницу пустой гробъ и повезъ его черезъ всю Россію. Сколько людей заморозили, числа нѣтъ! По дорогѣ вездѣ крестные ходы устраиваютъ, литургіи да литіи служатъ, а душенька его давно въ аду на уголькахъ поджаривается.

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. А можетъ и въ раю наслаждается.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Нѣтъ, братъ, шалишь. Людямъ хотя на томъ свѣтѣ нужно безъ царей отдохнуть. Жирно будетъ: и на этомъ свѣтѣ одни удовольствія, богатства, да почетъ, и на томъ свѣтѣ рай. Объѣшься, животъ заболитъ.

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. И такое ты наговоришь.

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. На томъ свѣтѣ не они будутъ командовать. Нѣтъ, братъ. На томъ свѣтѣ извольте, ваше величество, сбросить мундирчикъ, звѣздочки, ленточки и всякіе позументики и пожалуйте къ отвѣту голячкомъ. Такъ виднѣе убожество и прочее. А тутъ и капитанъ-исправники съ жалобой.

ВТОРОЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Тебѣ, братъ, нужно выпить. (Пьютъ.) Съ какой жалобой капитанъ-исправники?

ПЕРВЫЙ КАП.-ИСПРАВНИКЪ. Жить нечѣмъ, вотъ съ какой. Настоящіе крѣпостники всѣ за-границей, да въ Петербургѣ живутъ. На мѣстѣ осталась одна голь, которой для собственнаго пропитанія хлѣба не хватаетъ. Теперь вся надежда на купцовъ. Ну, съ купцами у меня строго. Сейчасъ его за бороду. „Ты что же это, мерзавецъ!“ — „Виноватъ, ваше благородіе!“ — „То то, у меня смотри! Семга получена? Прислать двѣ штуки,“ и прочее въ такомъ духѣ. По закону. Какъ на царскихъ молебнахъ читаютъ: всяка душа властямъ да повинуется. Ничего не подѣлаешь. Всѣ берутъ. И большіе берутъ. И намъ нужно брать. Чѣмъ мы хуже людей? Нѣтъ, братъ, шалишь! Достаточно дураковъ валяли. Пора за умъ браться. Каждому человѣку хочется быть сытымъ и съ пріятелемъ рюмку водки при случаѣ выпить. Тоже, братъ, и дома проклятая баба...

Тихо занавѣсъ.

Четвертое дѣйствіе

Картина первая

Залъ во дворцѣ.
У дверей стоятъ лакеи. Быстро входятъ министръ внутреннихъ дѣлъ и чиновникъ.

МИНИСТРЪ. Что такое?

ЧИНОВНИКЪ. Ваше превосходительство, сію минуту въ министерствѣ получено донесеніе отъ курскаго губернатора: крестьяне подняли бунтъ. Жгутъ и истребляютъ дворянскія помѣстья. Владѣльцевъ и ихъ семейства убиваютъ самымъ звѣрскимъ образомъ.

МИНИСТРЪ. Чѣмъ вызванъ бунтъ?

ЧИНОВНИКЪ. По донесенію губернатора бунтъ вызванъ голодомъ, ваше превосходительство.

МИНИСТРЪ. Да, да, помню, помню. Въ министерствѣ были получены въ свое время свѣдѣнія о недородѣ на югѣ. Но неужели эти варвары не понимаютъ, что, истребляя вѣками накопленное имущество, они тѣмъ самымъ понижаютъ государственное, а, слѣдовательно, и собственное благосостояніе?

ЧИНОВНИКЪ. Ваше превосходительство, крестьяне говорятъ, что все равно имъ не придется пользоваться дворянскимъ имуществомъ.

МИНИСТРЪ. Такъ могутъ разсуждать только ничего непонимающіе дикари, варвары.

ЧИНОВНИКЪ. Совершенно справедливо, ваше превосходительство. Губернаторъ доноситъ, что звѣрство бунтовщиковъ достигло крайнихъ предѣловъ. Они жгутъ скотъ, вырѣзываютъ лошадямъ языки, рвутъ картины, разбиваютъ дорогія статуи и зеркала, ломаютъ мебель, разрываютъ на куски костюмы.

МИНИСТРЪ. На большой раіонъ распространился бунтъ?

ЧИНОВНИКЪ. Бунтъ охватилъ два уѣзда, ваше превосходительство.

МИНИСТРЪ. Какъ? Два уѣзда?

ЧИНОВНИКЪ. Совершенно вѣрно, ваше превосходительство, два сѣверныхъ уѣзда губерніи.

МИНИСТРЪ. Но вѣдь тамъ близко и мое имѣніе! Я не потому, конечно... но я знаю всѣхъ мѣстныхъ владѣльцевъ. Тамъ все самые прекрасные, самые гуманные люди. По сосѣдству имѣніе графа Клейнмихеля. Куда же смотрѣлъ губернаторъ? Какъ онъ не сумѣлъ предупредить бунта? Въ его распоряженіи войска?

ЧИНОВНИКЪ. Вѣроятно бунтъ вспыхнулъ неожиданно.

МИНИСТРЪ. Ничего неожиданнаго и безпричиннаго не можетъ и не должно быть. Губернаторъ обязанъ своевременно предупреждать всякія попытки къ нарушенію закона и правъ собственности. Само собой разумѣется, убытки дворянъ будутъ пополнены правительствомъ, а виновные наказаны по всей строгости законовъ. Но, вы подумайте, извѣстіе о бунтѣ получается въ такой день! Сейчасъ окончится молебствіе, и всѣ выйдутъ сюда. Сегодня будутъ подписаны высочайшіе рескрипты о наградахъ и повышеніяхъ по службѣ. И, вдругъ, извѣстіе о бунтѣ какихъ то варваровъ! Благодарю покорно! Вы понимаете, чего можетъ надѣлать для насъ подобное извѣстіе?

ЧИНОВНИКЪ. Понимаю, ваше превосходительство.

МИНИСТРЪ. Понимаете, понимаете! Только мало пользы выходитъ изъ вашего пониманія. Губернатору предписать,

чтобы бунтъ былъ подавленъ немедленно, безусловно и во что бы то ни стало. О распространенiи бунта не должно быть и помышленiй. Всякое нарушенiе закона и существующаго порядка должно пресѣкаться безпощадно и въ самомъ началѣ. Правительство само неусыпно слѣдитъ за нуждами гражданъ и неуклонно всѣми способами удовлетворяетъ ихъ. Ступайте! Предписать также губернатору, чтобы онъ на границахъ сосѣднихъ уѣздовъ поставилъ войска. Слышите?

ЧИНОВНИКЪ. Слушаю, ваше превосходительство. (Уходитъ.)

МИНИСТРЪ. Чортъ возьми! Вѣдь тамъ моя Жалованная. А вдругъ разгромятъ имѣнiе графа? Что тогда будетъ? Придется сегодня раньше уйти съ прiема. Ужъ покажу я имъ бунты!..

Дверь въ залъ отворяется. Входятъ: сенаторы, министры, придворные чины, депутацiи съ подношенiями и становятся на мѣста. У задней стѣны зала становится хоръ. Входятъ Николай I и Александръ Николаичъ. Вдали слышны пушечные выстрѣлы.

НИКОЛАЙ. Сейчасъ мы вознесли благодарственныя моленiя ко Всевышнему Творцу, давшему намъ, по своей неизрѣченной милости, силы въ продолженiе двадцати пяти лѣтъ вести Россiю по пути къ славѣ и благоденствiю. Главнѣйшею цѣлью нашего царствованiя мы поставили себѣ: оградить дорогое сердцу нашему отечество отъ пагубныхъ ученiй, растлѣвающихъ Западную Европу, и устроить жизнь Россiи на незыблимыхъ началахъ православiя, самодержавiя и народности. Всевышнему угодно было подкрѣпить наши силы. Въ продолженiе двадцати пяти лѣтъ Россiя неизмѣнно пользовалась миромъ и спокойствiемъ. Въ то же время мы неуклонно оружiемъ поддерживали достоинство Россiи за ея предѣлами и водворяли порядокъ вездѣ, гдѣ онъ нарушался. Со смиренiемъ преклоняясь передъ волею Всевышняго, съ грустью вспоминаемъ безвременно отошедшихъ въ вѣчность: августѣйшихъ братьевъ нашихъ, Константина Павловича и

Михаила Павловича, графа Кочубея, доблестнаго Дибича. Исторія оцѣнитъ труды и заслуги ихъ передъ престоломъ и отечествомъ... Желая ознаменовать сегодняшній, радостный въ жизни нашей день повелѣваемъ строющуюся, по мысли нашей, первую въ Россіи желѣзную дорогу между Петербургомъ и Москвой именовать Николаевской. Въ знакъ всегдашняго благоволенія нашего, всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и больницамъ, которыя будутъ открыты въ семъ году, присвоить наименованіе Николаевскихъ. Наслѣдника прародительскаго престола, любезнѣйшаго сына нашего Александра Николаича назначаемъ наказнымъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ и жалуемъ казачьимъ полкамъ вензелевыя изображенія его высочества. Увѣрены, что доблестныя казачьи войска, по примѣру отцовъ своихъ, будутъ вѣрой и правдой служить своему августѣйшему атаману. Сверхъ сего, по примѣру вѣчнопамятныхъ прародителей нашихъ, въ сей знаменательный день признали мы за благо даровать монаршія милости. Снисходя къ нуждамъ нашихъ вѣрноподданныхъ, повелѣваемъ сложить недоимки, накопившіяся за прошлые годы, и сократить сроки наказанія осужденнымъ, впавшимъ въ преступленія по несчастному стеченію обстоятельствъ или по своей злой волѣ. На покрытіе недобора, имѣющаго образоваться отъ сложенія недоимокъ, министру финансовъ повелѣваемъ изыскать новые источника дохода. Опорѣ престола нашего, благородному россійскому дворянству даруемъ новыя льготы по воспитанію и обученію дѣтей. Ближайшіе исполнители предначертаній нашихъ награждаются, по мѣрѣ заслугъ ихъ передъ престоломъ, соотвѣтствующими чинами и орденами. Призываемъ Божіе благословеніе на всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ и на труды ихъ.

ВСѢ (кричатъ). Ура! (Хоръ исполняетъ гимнъ.) Ура! (Гимнъ.) Ура! (Гимнъ.)

НИКОЛАЙ (министру внутр. дѣлъ). Изъ всѣхъ городовъ получены всеподданнѣйшія поздравленія?

МИНИСТРЪ. Всѣ русскіе подданные единогласно привѣтствуютъ ваше императорское величество съ двадцатипятилѣ-

тіемъ благополучнаго царствованія и усердно молятъ Всевышняго о сохраненіи для славы и величія Россіи драгоцѣнной жизни вашего величества на многіе и многіе годы! (Хоръ поетъ: „Многая лѣта!") Сверхъ сего, благородное россійское дворянство и прочія сословія государства, смиреннѣйше припадая къ стопамъ вашего величества, испрашиваютъ всемилостивѣйшаго разрѣшенія открыть всероссійскую подписку на постановку въ Петербургѣ памятника въ Бозѣ почивающему, незабвенному государю императору Александру Павловичу Благословенному.

НИКОЛАЙ. Мысль объ открытіи памятника въ Бозѣ почивающему государю императору пріятна сердцу нашему. Благодарить россійское дворянство и прочія сословія государства за ихъ вѣрноподданическія чувства и подписку разрѣшить.

БЕНКЕНДОРФЪ (въ серединѣ рѣчи Бенкендорфа входитъ чиновникъ министерства внутр. дѣлъ; министръ внутр. дѣлъ выходитъ съ нимъ). Ваше величество, всемилостивѣйшій государь императоръ! Сегодня исполнилось двадцать пять лѣтъ славнаго царствованія вашего величества. Двадцать пять лѣтъ непрерывной работы, передъ размѣрами и результатами которой исторія остановится съ изумленіемъ. Нѣтъ области, въ которую не проникло бы для блага Россіи любвеобильное око державнаго вѣнценосца! И вездѣ оно вносило порядокъ и строгое подчиненіе законамъ. За предѣлами отечества достоинство Россіи непрерывно поддерживалось побѣдоноснымъ оружіемъ. Въ то время, когда западныя государства содрогаются въ мукахъ революціи, слава и величіе окружаютъ Россію. Все, и даже стихіи соединились для вящшаго прославленія царствованія русскаго самодержца! По истинѣ, счастлива страна, въ которой великаго монарха смѣняетъ еще болѣе великій монархъ! Перстъ Всевышняго невидимо направляетъ судьбы Россіи къ прославленію ея монарховъ и къ удивленію всей Европы. Дѣйствительно, прошедшее Россіи прекрасно; настоящее ея болѣе чѣмъ великолѣпно; что касается будущаго, то оно выше всего, что можетъ представить себѣ самое пылкое воображеніе.

И мы счастливы, безмѣрно счастливы не только тѣмъ, что удостаиваемся видѣть это великолѣпіе, но особенно тѣмъ, что являемся слабыми исполнителями великихъ предначертаній, все захватывающихъ своимъ могучимъ размахомъ. И вмѣстѣ съ нами ликуетъ вся Россія, ликуетъ Европа, ликуетъ весь міръ. Ликуетъ и благословляетъ сегодняшній день и въ умиленіи сердечномъ восклицаетъ: „Боже, царя храни!" (Хоръ поетъ гимнъ.)

ВСѢ (кричатъ). Ура!

Впередъ выходитъ первая депутація съ громаднымъ серебрянымъ бюстомъ Николая I; за ней останавливается вторая депутація, несущая громадную серебряную статую „Слава Россіи".

Тихо занавѣсъ.

Картина вторая

Кабинетъ императора.
Николай I, Александръ Николаичъ и Анненковъ.

АННЕНКОВЪ (читаетъ). Въ 1850 г. вышла въ Москвѣ книга: „Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй.“ Книга эта раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ: круги счастія и ключи къ отвѣтамъ, знаменитая волшебница или новый способъ гадать бобами, фокусъ-покусъ, предсказательный календарь на двѣсти лѣтъ и т. д. Хотя одно уже общее наименованіе книги и перечень частныхъ заглавій обнаруживаютъ вздорное и нелѣпое содержаніе этого сборника; но такъ какъ въ простонародіи она можетъ найти довольно читателей и даже имѣть нѣкоторый вѣсъ, то Комитетъ не могъ не остановиться на разныхъ, встрѣченныхъ имъ мѣстахъ, гдѣ вопросы и отвѣты вообще не совсѣмъ умѣстны и приличны, а для суевѣровъ и простолюдиновъ могутъ быть даже вредны. Такъ, для примѣра, можно указать вопросы: „скоро ли умретъ мой мужъ; скоро ли умретъ моя жена?“ Въ числѣ отвѣтовъ на сіе, большею частію невинныхъ и глупыхъ, можетъ быть полученъ и слѣдующій: „Скоро, если тебѣ хочется.“ На вопросъ: „буду ли я счастливъ въ военномъ званіи?“ встрѣчается отвѣтъ: „солдатомъ быть не велика честь.“ Подобныя симъ мысли, по мнѣнію Комитета, могутъ въ суевѣрномъ простолюдинѣ болѣе или менѣе поколебать здравыя понятія объ обязанностяхъ семьянина, о долгѣ службы и воинскомъ званіи, которое чѣмъ

болѣе соединено съ трудами, опасностями и лишеніями, тѣмъ болѣе должно быть почитаемо знаменіемъ истинной чести. Комитетъ не полагаетъ, чтобы книга „Оракулъ и чародѣй“ по общему ея содержанію и множеству подобныхъ, въ народѣ обращающихся, заслуживала преслѣдованія, а тѣмъ болѣе запрещенія, но думаетъ, что если, при общемъ еще на такія книги требованіи, невозможно и даже, можетъ статься, вредно было бы нынѣ же совершенно запретить ихъ изданіе, то по крайней мѣрѣ не надлежитъ отнюдь пропускать въ нихъ ничего безнравственнаго, или противнаго истиннымъ понятіямъ о вѣрноподданническихъ обязанностяхъ, и вслѣдствіе того рѣшился утрудить вышеизложеннымъ высочайшее вниманіе и представить на благоусмотрѣніе его величества, не повелѣно ли будетъ министру народнаго просвѣщенія сдѣлать цензору Снегиреву, за недостаточное вниманіе при просмотрѣ помянутаго сборника, надлежащее внушеніе и принять мѣры къ усугубленію надзора за содержаніемъ вновь издаваемыхъ сего рода книгъ. Вышеприведенное постановленіе Комитета удостоилось 3-го сентября высочайшаго утвержденія. Сообразно съ симъ было сдѣлано надлежащее распоряженіе, но годъ спустя появилось въ свѣтъ новое изданіе той же книги, дозволенное къ напечатанію опять Снегиревымъ, и, при сличеніи новаго изданія съ прежнимъ, Комитетъ нашелъ, что одинъ изъ указанныхъ имъ прежде отвѣтовъ: „Солдатомъ быть не велика честь“ (на вопросъ: „Буду ли я счастливъ въ военномъ званіи?“) замѣненъ въ новомъ изданіи слѣдующимъ: „Въ солдаты быть разжалованному не велика тебѣ честь“; а другіе два, также указанные въ изданіи 1850 г. Комитетомъ вопросы: „Скоро ли умретъ мой мужъ, и скоро ли умретъ жена моя?“ и отвѣты на нихъ: „Скоро, если тебѣ хочется,“ остались и въ изданіи 1851 г.... Вслѣдствіе сообщенія о томъ Комитета, князь Ширинскій-Шихматовъ предписалъ сдѣлать строгое замѣчаніе Снегиреву, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ секретно сообщилъ Комитету, что, по его мнѣнію, для ограниченія на будущее время изданія вздорныхъ и суевѣрныхъ книгъ, онъ не находитъ другого средства, какъ распространить на всѣ цензурные комитеты

сдѣланное московскимъ попечителемъ Назимовымъ распоряженіе по московскому цензурному комитету, чтобы упомянутыя и подобныя ей гадательныя книги впредь къ напечатанію одобряемы не были, или, что приведетъ къ тому же результату, подтвердить цензорамъ, чтобы они обращали самое строгое вниманіе на разсматриваніе всѣхъ подобныхъ книгъ, такъ какъ дозволеніе изданія ихъ въ свѣтъ съ наблюденіемъ, чтобы всѣ заключающіеся въ нихъ вопросы и отвѣты всегда были умѣстны и приличны, едва ли даже возможно.

НИКОЛАЙ (пишетъ на докладѣ и говоритъ). Не вижу препятствія. Подобныя сочиненія впредь вовсе запрещать. Дальше.

АННЕНКОВЪ. Въ числѣ книгъ, предназначенныхъ для юношества, вышли въ 1850 г., въ Москвѣ, вторымъ изданіемъ басни Эзопа, переведенныя съ французскаго языка Жумелемъ. Между нравоученіями, помѣщенными въ концѣ каждой басни, встрѣчаются и такія, которыя не только не могутъ быть признаны назидательными для дѣтей, но даже заключаютъ въ себѣ понятія ложныя и вредныя; такъ, напримѣръ: „Передъ монархами искусная лесть часто заглаживаетъ большіе проступки“; „Правитель журитъ чиновника за малѣйшую покражу, въ то время какъ самъ онъ разоряетъ государство своими грабежами;“ „Состояніе бѣдныхъ и черни не дѣлается ни лучше, ни хуже, когда государство перемѣняетъ правленіе.“

НИКОЛАЙ. Какъ?

АННЕНКОВЪ. „Состояніе бѣдныхъ и черни не дѣлается ни лучше, ни хуже, когда государство перемѣняетъ правленіе.“ Комитетъ, имѣя въ виду, что по высочайшему повелѣнію учрежденъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія особый Комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, полагалъ передать и настоящій переводъ эзоповыхъ басенъ въ упомянутый Комитетъ къ его разсмотрѣнію. Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія 24-го февраля 1851 г. секретно сообщилъ Комитету 2-го апрѣля, что Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ нашелъ нѣкоторыя изъ басенъ вредными

для дѣтей по содержанію, частью превышающими ихъ понятія, неизящными въ отношеніи къ искусству, а потому подлежащими исключенію, во всѣхъ же басняхъ слѣдуетъ исправить слогъ перевода; вообще, что книга въ настоящемъ видѣ не можетъ быть выпущена въ свѣтъ. На основаніи такого отзыва Комитетъ полагаетъ: цензору Снегиреву сдѣлать строгое замѣчаніе.

НИКОЛАЙ (пишетъ). Исполнить. (Анненкову.) На книги для юношества необходимо обращать особенное вниманіе.

АННЕНКОВЪ. Имѣю честь доложить вашему величеству, что Комитетъ на подобныя книги обращаетъ самое строгое вниманіе. (Читаетъ.) Въ отчетѣ Владимірскаго губернскаго предводителя дворянства за 1849 г., напечатанномъ съ разрѣшенія цензуры, Комитетъ 2-го апрѣля обратилъ вниманіе на слѣдующую статью: „Ходатайствовано чрезъ г. начальника губерніи о разсрочкѣ всѣмъ помѣщикамъ здѣшней губерніи, по случаю неурожаевъ и холеры, платежа процентовъ и долга Московскому опекунскому совѣту, но на это ходатайство разрѣшенія не послѣдовало.“ Помѣщеніе подобной статьи въ отчетѣ, получающемъ общую гласность, въ особенности безъ объясненія причинъ, по коимъ ходатайство не было уважено, можетъ, по мнѣнію Комитета, дать поводъ къ сомнѣнію въ постоянномъ попеченіи правительства о пособіи всѣмъ сословіямъ государства въ тяжкіе годы неурожаевъ и болѣзней, и вообще, какъ бы выставляетъ передъ публикой заботливость предводителя въ противуположность съ равнодушіемъ или бездѣйствіемъ правительства. Комитетъ полагалъ сообщить о вышеизложенномъ министрамъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ для совокупнаго соображенія: не слѣдуетъ ли вовсе исключать изъ печатаемыхъ по разнымъ случаямъ отчетовъ мѣстнаго управленія свѣдѣнія о такихъ ходатайствахъ, по коимъ разрѣшенія или утвержденія не послѣдовало, и въ какихъ именно случаяхъ можетъ быть допускаемо изъ сего изъятіе. Означенный журналъ Комитета удостоился 30-го октября высочайшаго утвержденія. Послѣ сношеній между обоими помянутыми министерствами Комитетъ согласился съ предложеніемъ графа Перовскаго: 1) о постановленіи, чтобы

свѣдѣнія о ходатайствахъ мѣстнаго начальства передъ высшимъ правительствомъ могли быть печатаемы не иначе, какъ уже по воспослѣдованіи окончательнаго на эти ходатайства утвержденія, и 2) о вмѣненіи цензорамъ въ обязанность, чтобы они входили въ разсмотрѣніе и давали разрѣшеніе на напечатаніе тѣхъ только отчетовъ и другихъ статей, до дѣлъ службы относящихся, по коимъ представлены удостовѣренія, что на напечатаніе ихъ дано дозволеніе надлежащаго начальства.

НИКОЛАЙ (пишетъ и говоритъ). Справедливо.

АННЕНКОВЪ. При обозрѣніи современныхъ періодическихъ изданій, Комитетъ не могъ не остановиться на статьѣ, помѣщенной 3-го января въ „Сѣверной Пчелѣ" Булгаринымъ, слѣдующаго содержанія: „Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ читателей пишетъ къ намъ изъ г. Москвы, что въ одномъ изъ модныхъ магазиновъ онъ встрѣтилъ какого то господина, покупавшаго французскія перчатки. Этотъ господинъ не повѣрилъ купцу, что перчатки настоящія французскія, когда купецъ запросилъ за пару 75 коп., и тогда только удостовѣрился въ истинѣ, когда увидѣлъ таможенное клеймо. Покупатель французскихъ перчатокъ чрезвычайно обрадовался, когда купецъ объяснилъ ему причину пониженія цѣны на половину съ 1-го января 1851 г., и, обратясь къ нашему читателю, сказалъ: я изнашиваю въ годъ до десяти дюжинъ французскихъ перчатокъ и платилъ до сихъ поръ за пару по полтора рубля серебромъ, слѣдовательно, выигрываю теперь въ годъ до 90 рублей серебромъ. Нашъ почтенный читатель прибавляетъ: что до меня касается, я всегда покупалъ перчатки, дюжину къ Пасхѣ и дюжину къ Рождеству, у бѣднаго русскаго семейства, въ которомъ мать и двѣ дочери шитьемъ перчатокъ содержали всю семью. Платилъ я за пару перчатокъ по 60 копеекъ серебромъ, и бѣдныя труженицы были весьма довольны. Извѣстно мнѣ, что многія бѣдныя женщины и дѣвушки снискивали себѣ пропитаніе шитьемъ перчатокъ, и какъ при дешевизнѣ французскихъ перчатокъ эти работницы

должны отказаться отъ работы, то для многихъ бѣдныхъ праздники могутъ быть печальными. Посылаю вамъ пять рублей серебромъ и прошу, по вашему благоусмотрѣнію, отдать эти деньги бѣдному русскому семейству, занимающемуся шитьемъ перчатокъ. Деньги я получилъ и отдалъ бѣдной вдовѣ, занимающейся этою работой, и прошу нашего читателя извѣстить меня, какимъ образомъ я могу увѣдомить его объ имени вдовы, получившей его подарокъ, потому что письмо не подписано. Что же касается до разсужденій насчетъ закавказской торговли, помѣщенныхъ въ письмѣ, честь имѣю извѣстить нашего читателя, что эти разсужденія не могутъ быть напечатаны въ „Сѣверной Пчелѣ," хотя я вполнѣ раздѣляю мнѣніе нашего почтеннаго корреспондента." — Баронъ Корфъ отношеніемъ отъ 7-го января 1851 г. увѣдомилъ князя Ширинскаго - Шихматова: „По заключающемуся въ этой статьѣ тайному смыслу, который съ перваго взгляда такъ легко разгадать, Комитетъ 2-го апрѣля находитъ ее въ величайшей степени неприличной. Г. Булгаринъ, во-первыхъ, выставляя, въ лицѣ своего корреспондента, вредное, будто бы, вліяніе новаго тарифа на отечественную промышленность, обнаруживаетъ свое неудовольствіе почти безъ всякой утайки, давая чувствовать, что отъ послѣдствій этого тарифа „для многихъ бѣдныхъ праздники могутъ быть печальными," во-вторыхъ, чрезъ упоминовеніе о подаяніи, присланномъ бѣдному русскому семейству, занимающемуся шитьемъ перчатокъ, еще яснѣе выражаетъ свои мысли, какъ бы давая чувствовать, что частные люди вынуждены уже приходить на помощь тѣмъ, которыхъ разорило или разстроило правительство; наконецъ, въ - третьихъ, усиливаетъ все это извѣщеніемъ, что хотя вполнѣ раздѣляетъ разсужденія своего корреспондента насчетъ закавказской торговли, но не можетъ ихъ напечатать безъ объясненія свойства этого препятствія, чѣмъ, для знакомыхъ у насъ съ подобными литературными оборотами и съ положеніемъ дѣла вообще, прямо намекаетъ, что этихъ разсужденій не пропустила бы цензура: слѣдственно, что они обращены

также къ порицанію тарифа, съ чѣмъ и онъ согласенъ. Но какъ „Сѣверная Пчела“ находится въ рукахъ огромной массы читателей всѣхъ сословій и всякихъ понятій, и упомянутая статья, при самомъ ея появленіи, понята была многими именно въ вышеизложенномъ предосудительномъ и дерзкомъ смыслѣ, возбуждающемъ публику противъ закона, едва только изданнаго и прикасающагося, болѣе или менѣе, къ интересамъ всѣхъ ея слоевъ, то Комитетъ, считая подобныя выходки совершенно нетерпимыми въ нашей журналистикѣ, полагалъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, объявивъ г. Булгарину крайнее неудовольствіе высшаго правительства, сдѣлать ему строжайшій выговоръ и такой же выговоръ распространить на цензора Крылова, не вникнувшаго въ истинное значеніе статьи, или пропустившаго оную вопреки сему значенію.“

НИКОЛАЙ. Совершенно справедливо. Узнать, кто авторъ статьи, и сослать его подъ надзоръ полиціи въ Олонецкую губернію.

АННЕНКОВЪ. Въ фельетонѣ неоффиціальной части №1-го „Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей“, въ статьѣ „Новый годъ“, послѣ изъясненія, что съ желаніями къ новому году въ провинціяхъ не соединяется никакихъ особенныхъ надеждъ, и всякій знаетъ, что мирная жизнь потечетъ день за днемъ въ новомъ году, какъ и въ старомъ, встрѣчается слѣдующее выраженіе: „правда, что приближеніе новаго года, періода наградъ, составляетъ для нѣкоторыхъ служащихъ якорь надежды, но этихъ исключеній немного, и при томъ награды уже большею частью извѣстны примѣрно по прежнимъ годамъ. Юное поколѣніе, всегда и вездѣ болѣе питающееся надеждами, ожидаетъ съ нетерпѣніемъ не новаго года, а святокъ, чтобы пощеголять въ чужихъ роляхъ своимъ остроуміемъ и погадать о своихъ суженыхъ-ряженыхъ и пр...“ — Комитетъ находитъ выходку эту весьма неприличной: съ одной стороны, она какъ бы выражаетъ мысль, что награды идутъ по извѣстной колеѣ, и право ожидать ихъ даютъ не отличныя заслуги передъ

престоломъ, а лишь примѣры прежнихъ лѣтъ, по которымъ можно даже впередъ расчесть: кто и какую получитъ награду. Съ другой стороны, съ ожиданіемъ сихъ знаковъ монаршаго вниманія къ заслугамъ какъ бы поставлено на степень сравненія ожиданіе времени маскерадовъ и переряженій, и послѣднее поставлено для „юнаго поколѣнія“ даже на степени высшей. Нѣтъ нужды доказывать, сколько распространеніе подобныхъ идей именно между молодымъ поколѣніемъ предосудительно и противно тому чувству уваженія, которое должно быть ему внушаемо къ службѣ и къ сопряженнымъ съ нею отличіямъ, и сколь неосторожно поступаетъ цензоръ, пропускающій въ печать такое опасное по своимъ послѣдствіямъ ученіе. Отъ неуваженія къ служебнымъ наградамъ весьма невеликъ шагъ и къ неуваженію начальства и т. д... Кромѣ того, статья какъ бы тайно намекаетъ на то, что жители провинціи не должны ждать для себя никакихъ благодѣтельныхъ реформъ со стороны высшаго правительства, и совершенно открыто одобряетъ проведеніе юнымъ поколѣніемъ святокъ въ праздномъ веселіи и въ гаданьяхъ и даже „щеголяніе въ чужихъ роляхъ“. По изложеннымъ соображеніямъ Комитетъ полагаетъ: цензору, пропустившему въ печать вышеприведенныя выраженія, поставить на видъ его невнимательность.

НИКОЛАЙ. Справедливо. Еще много къ докладу постановленій?

АННЕНКОВЪ (показываетъ кипу журналовъ). Порядочно, ваше величество.

НИКОЛАЙ (Александру Николаевичу). Все трудное я хочу сдѣлать самъ, тебѣ хочу оставить самое легкое. Вредная идея въ человѣкѣ подобна червяку въ яблокѣ. Червяка можно убить только вмѣстѣ съ яблокомъ. Вотъ если бы мнѣ еще казнокрадство вывести. Рѣшительно всѣ воруютъ: и старшіе и младшіе... Только мы съ тобой, Саша, и не воруемъ... (Анненкову.) Дальше.

АННЕНКОВЪ. Въ одномъ изъ послѣднихъ за 1851 г. №№

„Херсонскихъ губернскихъ вѣдомостей“ помѣщено, въ неоффиціальной части, объявленіе о подпискѣ на журналъ „Москвитянинъ“ на 1852 г. Въ этомъ объявленіи редакція, между прочимъ, говоритъ: „Всѣ корифеи, всѣ знаменитости, всѣ почти имена русскаго литературнаго міра содѣйствуютъ главному редактору, какъ видитъ публика, своими сочиненіями, совѣтами, замѣчаніями. Въ послѣднее время получилъ онъ твердую надежду, что въ Москвѣ, въ сердцѣ русской національности, установится, наконецъ, несмотря на всѣ препятствія, журналъ, чуждый всѣхъ партій, имѣющій въ виду одну истинную пользу и успѣхъ русской литературы, органъ своеобразнаго взгляда на русскую жизнь, науку, искусство, исторію“. Комитетъ обратилъ свое вниманіе на слова: „несмотря на всѣ препятствія“. Не приписывая онымъ никакого предосудительнаго значенія по извѣстной благонамѣренности главнаго редактора „Москвитянина“ Погодина, оказавшаго несомнѣнныя услуги отечественной литературѣ, въ особенности изысканіями по части русскихъ древностей, Комитетъ находитъ, что вышеприведенныя слова, въ мнѣніи нѣкоторой части публики, могутъ быть отнесены къ препятствіямъ со стороны правительства и въ особенности цензуры, а потому лучше было бы оныя вовсе не помѣщать, если же они относятся къ препятствіямъ со стороны литературныхъ партій, или завистниковъ заслуженнаго успѣха „Москвитянина“, то оговорить ихъ такъ, чтобы смыслъ былъ вполнѣ опредѣленный. Комитетъ постановилъ: предоставить министру народнаго просвѣщенія сообщить о вышеизложенномъ замѣчаніи Погодину, не давая сему дѣлу дальнѣйшихъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить министру надежду, что бдительность высшаго правительства, направленная единственно противъ истинно предосудительнаго или неблагонамѣреннаго, отнюдь не будетъ принимаема цензорами за поводъ къ дѣйствіямъ стѣснительнымъ и произвольнымъ, какъ, къ сожалѣнію, носятся о томъ слухи въ публикѣ, будто бы цензоры ищутъ теперь ограждать себя отъ отвѣтственности, идя гораздо далѣе благихъ видовъ высшаго правительства и позволяя себѣ иногда марать и останавливать статьи

и выраженія самыя даже невинныя.— Означенное постановленіе Комитета удостоилось 21-го февраля высочайшаго утвержденія.— На конфиденціальное сообщеніе министра народнаго просвѣщенія Погодинъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ отъ 7-го марта: „Замѣчаніе вашего сіятельства тронуло меня до глубины сердца. Оно выражено столь лестнымъ для меня образомъ, съ такой отеческой благосклонностью, что я не могу возблагодарить васъ достойно. Смѣю указать, что оное мѣсто относилось къ литературнымъ препятствіямъ, и, казалось мнѣ, исключало другой смыслъ, хотя, совершенно согласенъ, возможный для злонамѣренныхъ толкователей. Цензурой же я совершенно доволенъ, и не только никогда не жаловался на нее, но, напротивъ, благодарилъ всегда за просвѣщенное содѣйствіе къ выясненію истины. Цензура также, смѣю надѣяться, была всегда мною довольна за готовность согласоваться съ ея видами.“ — Въ то же время с.-петербургскій попечитель конфиденціально представилъ министру народнаго просвѣщенія о слѣдующемъ: „Позвольте мнѣ просить ваше сіятельство покорнѣйше довести до свѣдѣнія государя императора, что никто изъ цензоровъ не дѣйствовалъ и не дѣйствуетъ стѣснительно или произвольно. Они всегда, при малѣйшемъ сомнѣніи, представляютъ статью или мѣсто, ихъ затрудняющее на мое усмотрѣніе, а я стараюсь по возможности оказывать дозволенное сочинителямъ снисхожденіе; въ случаяхъ же болѣе важныхъ, предлагаю обстоятельство на разсужденіе Комитета, который также никогда не дѣйствуетъ съ самопроизвольной строгостью, но съ точностью руководствуется цензурнымъ уставомъ и особыми высочайшими повелѣніями и распоряженіями министровъ народнаго просвѣщенія, послѣдовавшими съ 1848 г., послѣ бывшихъ за-границей возмущеній. Что же касается до слуховъ, которые носятся въ публикѣ, то возможно ли онымъ дать хотя малѣйшее вѣроятіе? Всѣ, которые ихъ распускаютъ, — или люди вредные, ищущіе средствъ ослабить благонамѣренное и весьма полезное дѣйствіе цензуры, не дозволяющей имъ печатать сочиненія и журнальныя статьи, не согласныя съ бла-

годѣтельными видами правительства, доброю нравственностью, или, наконецъ, неумѣстныя по направленію разсужденій для читающей русской публики; или людьми легковѣрными и неосновательными, которые привыкли осуждать, безъ размышленія или изслѣдованія, каждую мѣру, правительствомъ предписываемую исключительно для блага подданныхъ.

Занавѣсъ.

Картина третья

Пріемная во дворцѣ.
Министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и военный.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. А славный сегодня выдался денекъ. Въ довершеніе всего и доклада нѣтъ. Подождемъ еще немного и прямо отправимся брать штурмомъ военное министерство.

ВОЕН. МИН. Военное министерство готово: укрѣпленія возведены, батареи выставлены и разрывные снаряды во льду.

МИН. НАРОДН. ПРОСВ. Да, сегодня дѣйствительно славный денекъ.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Все по случаю именинъ дорогого Сергѣй Петровича. И неудивительно. Вѣдь онъ, разбойникъ, въ теченіе года бываетъ только одинъ разъ именинникомъ. Ждешь, ждешь и ждать наскучитъ. Господа, предлагаю по случаю такого радостнаго и рѣдкаго дня сбросить со своихъ душъ мундиры съ орденами и превратиться въ самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ. Бубемъ сегодня кутить и веселиться.

ВОЕН. МИН. Я первый съ благодарностью принимаю ваше любезное предложеніе.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Право, господа, не мѣшаетъ время отъ времени встряхнуться. У меня въ настоящее время хуже всѣхъ дѣла: и голодъ, и непрерывные бунты и холера подходитъ. Ну ихъ къ чорту! Сегодня забудемъ все.

Входитъ министръ финансовъ Врончепко.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ А вотъ, господа, нашъ общій благодѣтель. Министръ финансовъ — самый важный министръ. Дастъ онъ денегъ, и въ государствѣ текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ. Не дастъ денегъ, и наступаютъ уныніе, плачъ и скрежетъ зубовъ.

ВРОНЧЕНКО. Нѣтъ, господа, вы ошибаетесь. Во-первыхъ, отъ тѣхъ денегъ, которыя даетъ министръ финансовъ, въ государствѣ никогда не текутъ молочныя рѣки. Напротивъ. Да отъ тѣхъ денегъ, если говорить правду, сколько ихъ не давай, и не могутъ течь молочныя рѣки.

МИН. НАРОДН. ПРОСВ. Милѣйшій Федоръ Павловичъ, не касайтесь вопроса по существу.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Нѣтъ, нѣтъ, пусть защищается. Пусть докажетъ, что онъ одной крови со своимъ братомъ — писателемъ.

ВРОНЧЕНКО. Во-вторыхъ, господа, долженъ вамъ сказать, что министръ финансовъ — самое жалкое существо. Министру финансовъ всѣ говорятъ: давай, давай и давай деньги, и никто не спроситъ у него: можно ли что-нибудь дать и изъ какихъ источниковъ давать. Серьезно говорю: на министерство финансовъ смотрятъ какъ на какую то бездонную бочку, или какъ на сказочный рогъ изобилія.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Однако же вы даете?

ВРОНЧЕНКО. Да, даю. Я знаю, что если я не буду давать, на мое мѣсто посадятъ какого-нибудь Германа, или Ивана, который будетъ давать деньги. Но, господа, съ одного двухъ шкуръ не сдерешь. Да и одной не сдерешь, пока она не наросла. Тутъ ужъ не помогутъ и распоряженія министровъ.

МИН. НАРОДН. ПРОСВ. Послѣднее ваше утвержденіе противорѣчитъ дѣйствительности.

ВРОНЧЕНКО. Нѣтъ, не противорѣчитъ. Не забывайте, что, напримѣръ, за время моего управленія министерствомъ финансовъ недоимки возрасли до 125 милліоновъ рублей, а сумма долговъ по займамъ возрасла съ 299 милліоновъ рублей до 400 милліоновъ рублей. Кто ихъ будетъ уплачивать?

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Ужъ, конечно, не министръ финансовъ, и вообще никто-нибудь другой. (Всѣ смѣются.)

ВРОНЧЕНКО. Потому то я и займы заключаю и деньги даю. Но самое главное дѣло, господа, еще впереди. Главное дѣло въ томъ, что министръ финансовъ самъ по себѣ — нуль, нуль и нуль. Сила — министерство внутреннихъ дѣлъ. Вотъ гдѣ начало и конецъ. Если бы не министерство внутреннихъ дѣлъ со всѣми его разнообразными щупальцами, министръ финансовъ никогда не получилъ бы ни одной полушки. Никогда и нигдѣ не было такихъ дураковъ, которые бы невѣдомо куда и невѣдомо на что сами, добровольно отдавали свои трудовыя копейки.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Налоги уплачиваютъ и состоятельные классы.

ВРОНЧЕНКО. Состоятельные классы сами ничего не производятъ. На нихъ работаютъ неимущіе классы. Однако, господа, что означаютъ эти пріятные разговоры. Развѣ сегодня не будетъ доклада?

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Докладъ отмѣненъ по случаю именинъ дорогого Сергѣй Петровича.

ВРОНЧЕНКО. Нѣтъ, серьезно?

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ (понизивши голосъ). Доклада не будетъ, такъ какъ заняты ухаживаніемъ

ВРОНЧЕНКО. За баронессой?

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Что вы? Гдѣ вы живете, въ Африкѣ, или въ Австраліи? Баронесса уже давно получила чистую отставку, но безъ мундира и безъ пенсіи. Теперь въ фаворѣ графиня Подхвостова. Позвольте мнѣ, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, поставить вамъ на видъ, многоуважаемый Федоръ Павловичъ, что вы плохо слѣдите за теченіемъ государственныхъ дѣлъ.

ВРОНЧЕНКО. Мое дѣло — деньги давать. А наблюденіе въ указанномъ направленіи принадлежитъ скорѣе министерству внутреннихъ дѣлъ, или, еще вѣрнѣе, государственному совѣту.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Или, еще вѣрнѣе, святѣйшему синоду. (Всѣ смѣются.)

ВРОНЧЕНКО. Значитъ, охота происходитъ въ Зимнемъ саду. Благо ядовитый Вольтеръ перенесенъ въ Эрмитажъ. (Всѣ смѣются.)

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Нѣтъ, господа, самое интересное министерство въ Россіи — министерство народнаго просвѣщенія. Самъ министръ не знаетъ, для чего и онъ и его министерство существуютъ. (Всѣ смѣются.)

МИН. НАРОДН. ПРОСВ. Министерство народнаго просвѣщенія играетъ роль громоотвода. Чтобы гдѣ ни случилось, сейчасъ дергаютъ министерство народнаго просвѣщенія. Какъ будто бы министерство народнаго просвѣщенія способно создавать людей.

ВРОНЧЕНКО. Въ Россіи нѣтъ ни народа, ни просвѣщенія, но, по примѣру Западной Европы, заведено, на удивленіе всему міру, министерство народнаго просвѣщенія. Самое безполезное и даже вредное министерство. Его слѣдуетъ совершенно уничтожить. Функціи министерства народнаго затемнѣнія съ полнымъ успѣхомъ выполняютъ: министерство обузданія (указываетъ на министра внутреннихъ дѣлъ), министерство маршировки и обмундированія (указываетъ на военнаго министра) и министерство обдиранія (указываетъ на себя). (Всѣ смѣются.) Впрочемъ, въ Россіи и еще имѣются безполезныя министерства: министерство юстиціи, вѣдомство православнаго исповѣданія.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Господа, уговоръ: божественнаго не касаться.

ВРОНЧЕНКО. Божественное давно уже превратилось въ отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

МИН. НАРОДН. ПРОСВ.. Такъ какъ всѣ мы являемся лишь скромными исполнителями великихъ и величайшихъ предначертаній, то намъ остается только расширять свою плодотворную дѣятельность: открывать новые департаменты, штаты и должности, разводить канцелярщину, умножать циркуляры и приказы. Лишь бы запутывать дѣло и тормозить естественный ходъ жизни. (Всѣ смѣются.)

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Нѣтъ, нѣтъ, военное министерство необходимо выдѣлить. По нынѣшнимъ временамъ оно — самое важное министерство.

ВОЕН. МИН. Бѣда быть военнымъ министромъ. Каждая пылинка, каждая соринка...

ВРОНЧЕНКО. Положимъ, военное министерство является исключительно министерствомъ внѣшнихъ достоинствъ. За то военный министръ денегъ беретъ, сколько его душѣ угодно.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. А главное, онъ сегодня именинникъ, а потому выше всѣхъ насъ.

МИН. НАРОДН. ПРОСВ. Ну, господа, мы сегодня дѣйствительно разболтались. Если бы кто-нибудь со стороны послушалъ.

ВРОНЧЕНКО. Отчего послѣ усиленныхъ трудовъ и не поболтать иногда между своими. (Всѣ смѣются.)

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Господа, послѣ трудовъ двинемся. Кстати, я имѣю намѣреніе выиграть у министра финансовъ нѣкоторую сумму.

ВРОНЧЕНКО. Ошибетесь, г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Министерство финансовъ само скоро по міру пойдетъ.

МИН. ВНУТР. ДѢЛЪ. Министерство финансовъ, можетъ быть, и пойдетъ по міру, но не министръ финансовъ. А мнѣ нуженъ именно... (Выходятъ.)

Занавѣсъ.

Пятое дѣйствіе

Картина первая

Залъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Придворный балъ. Залъ наполненъ сановниками, сенаторами, министрами, придворными чинами, посланниками, ихъ женами, военными, стоящими въ два ряда. Между ними постарѣвшій генералъ Брокъ. У рампы, нѣсколько въ сторонѣ, придворный чинъ и предводитель дворянства.

ПРЕДВОД. ДВОР. Сколько здѣсь блеска: золота, бархата, брилліантовъ.

ПРИДВ. ЧИНЪ. Внѣжнимъ блескомъ необходимо прикрывать внутреннюю пустоту. Сюда тянутъ соки со всей Россіи и тянутъ безъ стѣсненій.

ПРЕДВОД. ДВОР. Да, блеска много.

ПРИДВ. ЧИНЪ. Если бы ты зналъ, сколько подъ этимъ блескомъ скрывается подлости, низкопоклонства, жадности, безчеловѣчности, интригъ, сплетенъ. Здѣсь человѣкъ или долженъ сдѣлаться подлецомъ, или уйти. Середины нѣтъ.

ПРЕДВОД. ДВОР. Это что за чины?

ПРИДВ. ЧИНЪ. Это всякаго рода придворные чины, будущіе благодѣтели Россіи, пока чающіе движенія воды. Проще говоря, это — придворные дармоѣды, шуты. Дворы не могутъ обходиться безъ шутовъ. И раньше при дворахъ были шуты, но тѣ шуты обладали острымъ умомъ, находчивостью, смѣлостью, честностью. Прежніе шуты будили уснувшую совѣсть и заплывшій умъ правителей. Нынѣшніе шуты только

и умѣютъ надѣвать золотые мундиры и ордена, да раболѣпно гнуть спины. Прежніе шуты скромно назывались шутами, нынѣшніе шуты называются придворными чинами.

ПРЕДВОД. ДВОР. Но вѣдь ты тоже?

ПРИДВ. ЧИНЪ. Да, и я. Думалъ ли ты, что твой родной братъ сдѣлается шутомъ хотя бы и придворнымъ?

ПРЕДВОД. ДВОР. А это кто такіе?

ПРИДВОР. ЧИНЪ. А это — гвардейскіе офицеры, приглашенные на балъ въ качествѣ танцоровъ. На балахъ они проходятъ свою службу, на балахъ же выслуживаютъ чины и ордена.

ПРЕДВОД. ДВОР. Знаешь, меня даже оторопь беретъ.

ПРИДВ. ЧИНЪ. Это по началу. Мы привыкли. О, братъ, здѣсь отлично втираютъ очки внѣшнимъ блескомъ и величіемъ.

Церемоніймейстеръ ударяетъ жезломъ. Всѣ вытягиваются и замираютъ. Предводитель дворянства и придворный чинъ прячутся въ толпу. Двери изъ внутреннихъ покоевъ отворяются, и выходятъ: императоръ съ императрицей, наслѣдникъ съ супругой, великіе князья и княгини. Императоръ и императрица становятся на свои мѣста и дѣлаютъ cercle. Военный оркестръ играетъ польскій. Балъ начинается. Спустя нѣкоторое время на авансцену выходятъ Николай I и жена французскаго посланника.

НИКОЛАЙ. Какъ вамъ нравится балъ, маркиза?

МАРКИЗА. Ваше величество, онъ великолѣпенъ.

НИКОЛАЙ. Вы мнѣ льстите, маркиза?

МАРКИЗА. Ваше величество, фанцузы не умѣютъ льстить. Они могутъ увлекаться, но льстить не умѣютъ.

НИКОЛАЙ. Въ Парижѣ, я увѣренъ, вы видѣли болѣе блестящіе балы.

МАРКИЗА. Особа вашего величества дѣлаетъ этотъ балъ несравнимымъ.

НИКОЛАЙ. Насколько я понимаю, женщины являются украшеніемъ баловъ, а не мужчины

МАРКИЗА. Ваше величество, бываютъ исключенія, тѣмъ болѣе пріятныя...

Проходятъ. Балъ продолжается. Снова выходятъ.

МАРКИЗА. Въ Парижѣ уже поднятъ вопросъ объ уравненіи правъ женщинъ.

НИКОЛАЙ. Я не вѣрю въ возможность равноправія. Вы удивлены, маркиза?

МАРКИЗА. Признаюсь, ваше величество.

НИКОЛАЙ. Мужчины никогда не откажутся отъ пріятной обязанности оказывать вниманіе женщинамъ. Думаю, что и женщины никогда не откажутся отъ удовольствія пользоваться преимуществами своей слабости и своего обаянія.

МАРКИЗА. Ваше величество, одно другому не мѣшаетъ.

Проходятъ. — Выходятъ Николай I и французскій посланникъ.

МАРКИЗЪ. Какъ человѣкъ, я безусловно преклоняюсь передъ особой вашего величества, но, какъ дипломатъ, я долженъ защищать интересы своего отечества.

Проходятъ. Снова выходятъ.

НИКОЛАЙ. За Россію ручается ея императоръ. Кто ручается за Францію?

МАРКИЗЪ. Ваше величество, за Францію ручается французскій народъ.

НИКОЛАЙ. Я такого ручательства не понимаю.

Проходятъ. Выходитъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Къ нему быстро подходитъ предводитель дворянства.

МИНИСТРЪ. Сегодня императоръ въ духѣ. Уловите моментъ, когда онъ будетъ проходить мимо васъ одинъ, немного выйдите впередъ и отвѣсьте глубокій поклонъ. Если его величеству благоугодно будетъ обратить на васъ свое вниманіе и спросить, въ какомъ положеніи губернія, изложите свое ходатайство о сложеніи съ дворянскихъ имуществъ недоимокъ

накопившихся вслѣдствіе многолѣтнихъ неурожаевъ. Не говорите слишкомъ тихо, — императоръ не любитъ тихихъ разговоровъ, — но и не возвышайте очень голоса. Говорите смѣло, но почтительно. Я буду на сторожѣ и постараюсь поддержать ваше ходатайство. Смотрите же.

Отходитъ. Предводитель дворянства становится немного впереди. Выходятъ Николай I и маркизъ. Предводитель кланяется.

НИКОЛАЙ. Со стороны императора неблагородно было бы видѣть въ своихъ подчиненныхъ одни недостатки.

МАРКИЗЪ. Но и рискованно для государства, ваше величество, если императоръ видитъ въ своихъ подчиненныхъ одни достоинства. Ангеловъ на землѣ нѣтъ.

Проходятъ. Балъ проболжается. Снова выходятъ. Предводитель кланяется.

НИКОЛАЙ. Неужели, маркизъ, вы не замѣтили высокой стройной дамы въ бѣломъ атласномъ платьѣ? Вѣдь вы, французы, спеціалисты по части женской красоты.

МАРКИЗЪ. Ваше величество, въ данномъ отношеніи ни одинъ народъ, къ счастью, не обиженъ судьбой.

НИКОЛАЙ. Пойдемте. Вы увидите настоящую сѣверную красавицу.

Проходятъ. Выходятъ: съ одной стороны Александра Федоровна, съ другой маркиза.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. За весь вечеръ вы не пожелали и поговорить со мной, старухой.

МАРКИЗА. Я весь вечеръ искала случая подойти къ вашему величеству. Но въ началѣ была удостоена вниманіемъ его величества, а потомъ вы изволили разговаривать съ баронессой.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Его величество удостаиваетъ своимъ вниманіемъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ. Оставьте, оставьте, маркиза: женщина женщинѣ комплиментовъ не говоритъ. А за баронессу вы не обижайтесь, маркиза. Она мнѣ землячка. Съ нею я говорю, какъ съ сестрой. Я жало-

валась баронессѣ. Хорошо, что женщины не занимаются политикой. Представьте себѣ, маркиза, на дняхъ его величество поставилъ Сашу подъ ружье за какую то провинность и подъ ружьемъ заставилъ стоять ребенка на морозѣ до полнаго обморока.

МАРКИЗА. Ваше величество, его высочество уже женатый человѣкъ и самъ имѣетъ дѣтей.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Ахъ, маркиза, любовь матери къ дѣтямъ оканчивается въ могилѣ. Если бы Саша имѣлъ внуковъ, для меня онъ и тогда оставался бы ребенкомъ.

МАРКИЗА. Ваше величество, я сама женщина и мать и знаю материнскія чувства. Въ томъ и заключается трагизмъ матери, что птенцы вылетаютъ изъ-подъ ея крыльевъ, дѣлаются взрослыми и семейными людьми и только для нея одной все остаются дѣтьми.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА. Правда, правда. Знаете, маркиза, я даже плакала...

Проходятъ. Выходятъ баронъ, нѣмецкій посланникъ, и лордъ, англійскій посланникъ.

БАРОНЪ. Извѣстіе и проходѣ эскадръ, вѣроятно, будетъ получено завтра.

ЛОРДЪ. Не раньше, если имѣть въ виду русскія дороги.

БАРОНЪ. Пусть теперь расплачиваются. Сами виноваты. Все время напрашивались на такой исходъ.

Проходятъ Николай I и маркизъ. Предводитель кланяется. Ему издали машетъ рукой министръ внутреннихъ дѣлъ. Предводитель прячется.

НИКОЛАЙ (барону и лорду). Любуетесь, господа, баломъ?

ЛОРДЪ. О, да, ваше величество.

НИКОЛАЙ. Такой же образцовый порядокъ, какой вы видите, господа, на этомъ балу, царитъ и во всей Россіи. У насъ все самобытно. Россія—тѣло, а русскій императоръ—голова.

Проходитъ съ маркизомъ.

БАРОНЪ. Слишкомъ мала голова для такого огромнаго тѣла.

ЛОРДЪ. Если даже не имѣть въ виду всѣхъ этихъ наростовъ на головѣ (указываетъ на залъ), и тогда тѣло должно чувствовать себя очень неловко. Голова имѣетъ ноги въ сапогахъ со шпорами и длинную саблю.

БАРОНЪ. Сколько въ этомъ человѣкѣ властолюбія? Право, у него хватило бы смѣлости потребовать, чтобы вся вселенная думала и поступала по его указкѣ.

ЛОРДЪ. Никогда не слѣдуетъ давать одному человѣку власти надъ другими.

Проходятъ. Балъ продолжается. Выходятъ Николай I и лордъ.

НИКОЛАЙ. Не завоевательными цѣлями руковожусь я при наступленіи Россіи на Турцію, а лишь своею историческою ролью защитника тамошнихъ православныхъ христіанъ, какъ и правъ православной церкви. Я приказалъ русскимъ войскамъ занять Молдавію и Валахію въ залогъ, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъРоссіи. Впрочемъ, Турція — это больной человѣкъ, лежащій на смертномъ одрѣ, и не мѣшало бы намъ съ вами заблаговременно подумать о богатомъ наслѣдствѣ.

ЛОРДЪ. Ваше величество, въ святыхъ мѣстахъ всѣ народы одинаково...

Проходятъ. Балъ продолжается. Выходятъ Николай I и военный министръ.

НИКОЛАЙ. Отъ князя Горчакова не получены новыя донесенія?

ВОЕН. МИН. Никакъ нѣтъ, ваше величество. Наши войска находятся въ томъ же выжидательномъ положеніи.

НИКОЛАЙ. Чего князь медлитъ? Не понимаю. Теряя время, онъ ничего не выигрываетъ. Предписать ему немедленно начать самыя рѣшительныя дѣйствія. Россія должна диктовать непріятелю условія войны. Необходимо показать

Турціи, что для насъ она не страшна. Тогда и Австро-Венгрія будетъ осторожнѣе со своими планами. И на кавказско-турецкой границѣ дѣло въ томъ же неопредѣленномъ положеніи?

ВОЕН. МИН. Ваше величество, князь Бебутовъ доноситъ, что въ его распоряженіи слишкомъ ограниченное число войскъ и орудій, съ которыми онъ не рѣшается вступить въ борьбу съ болѣе сильнымъ непріятелемъ.

НИКОЛАЙ. Дѣло не въ количествѣ войскъ, а въ умѣньи командующаго. Адмиралъ Нахимовъ разбилъ въ синопскомъ рейдѣ турецкую эскадру Османа паши, не имѣя почти никакихъ судовъ. Предписать князю Бебутову перейти немедленно въ наступленіе. Послать ему въ помощь еще одну пѣхотную дивизію.

ВОЕН. МИН.. Слушаю, ваше величество.

НИКОЛАЙ. Намъ теперь нужно много войскъ, мы слишкомъ разбросались. Все же необходимо рѣшительно дѣйствовать на Кавказѣ, чтобы мѣстные жители и Турція...

Быстро подходитъ министръ двора.

МИН. ДВОРА. Изъ Севастополя прибылъ курьеръ съ донесеніемъ вашему величеству.

НИКОЛАЙ. Ввести курьера сюда.

Музыка замолкаетъ. Всѣ замираютъ на мѣстахъ. Входитъ курьеръ.

КУРЬЕРЪ. Имѣю честь донести вашему величеству, что англійская и французская эскадры и дивизія турецкаго флота вышли изъ Босфора и вошли въ Черное море.

НИКОЛАЙ. Какъ ты сказалъ?

КУРЬЕРЪ. Имѣю честь донести вашему величеству, что англійская, французская и турецкая эскадры вошли въ Черное море.

НИКОЛАЙ (военному министру, указывая на курьера). Арестовать его до полученія подтвержденія... Не можетъ быть... (На весь залъ.) Кто смѣлъ остановить музыку?

Музыка начинаетъ играть. Нѣсколько паръ нерѣшительно пускаются въ танцы. Быстро подходитъ министръ двора.

МИН. ДВОРА. Ваше величество, изъ Севастополя прибылъ новый курьеръ.

Николай медленно выходитъ. За нимъ всѣ быстро расходятся въ разныя стороны. Музыка замолкаетъ.

Занавѣсъ.

Картина вторая

Кабинетъ императора.
Николай I, Александръ Николаичъ, министры и генералы.

НИКОЛАЙ. Больше года прошло съ тѣхъ поръ, какъ западныя государства соединенными силами напали на Россію. Были нападенія съ Сѣвернаго моря, съ Балтійскаго моря, упорная борьба на Дунаѣ и на Кавказѣ, бомбардировка Одессы, но главныя силы непріятель направилъ на Крымъ. Всѣ ополчились противъ насъ. Англія, всегда съ завистью смотрѣвшая на могущество Россіи и боявшаяся ея соперничества въ Азіи. Франція, императора которой мы еще недавно отказались назвать нашимъ братомъ. Турція, поработившая славянскихъ христіанъ. Наша ближайшая сосѣдка Германія и, наконецъ, Австрія, которую мы спасли отъ распаденія, и которая теперь спѣшитъ удивить міръ своею неблагодарностью. До сихъ поръ Россія вела войны за предѣлами имперіи: мы присоединяли къ Россіи новыя земли, или водворяли порядокъ и законность въ другихъ государствахъ. Теперь врагъ напалъ на наши собственныя, кровью русскихъ завоеванныя владѣнія. Но мы не уступимъ, мы будемъ вести борьбу до конца. Я надѣюсь на русскій народъ. Правда на нашей сторонѣ, и потому — съ нами Богъ. Тяжела борьба съ соединеннымъ врагомъ, но тѣмъ почетнѣе будетъ побѣда надъ нимъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ГЕНЕРАЛОВЪ. Коварный врагъ неожиданно обрушился всѣми своими силами на самую отдаленную часть Россіи, на ту часть, которую въ Бозѣ почивающая императрица Екатерина Великая справедливо назвала лучшей жемчужиной въ коронѣ русскихъ государей. Врагъ расчитывалъ неожиданнымъ ударомъ сломить могущество Россіи. Но врагъ забылъ, что Россія побѣждаетъ, но не сдается. Врагъ забылъ, что истинные сыны Россіи, движимые безпредѣльной любовью и преданностью къ престолу, пожертвуютъ женами, дѣтьми, всѣмъ своимъ имуществомъ. Врагъ забылъ, что истинные сыны Россіи понесутъ самую жизнь свою на алтарь отечества, но не сложатъ позорно оружія. Россія помнитъ купца Кузьму Минина, по слову котораго въ тяжелую годину и богатые, и бѣдные, и старики, и дѣти отдали все свое имущество и спасли отечество. Врагъ забылъ, что еще недавно русскія войска побѣдоносно вступали въ Парижъ, и русскій императоръ предписывалъ свои условія всему міру. Или врагъ расчитывалъ, что Россія перемѣнилась? что Россія уже не въ силахъ, по приказанію своего обожаемаго монарха, снова... (Входитъ адъютантъ.)

АДЪЮТАНТЪ. Ваше величество, изъ Севастополя прибылъ курьеръ.

НИКОЛАЙ. Ввести его немедленно сюда.

Адъютантъ выходитъ. Входитъ курьеръ, морской офицеръ.

КУРЬЕРЪ. Имѣю честь донести вашему величеству, что Севастополь держится.

НИКОЛАЙ. Онъ и долженъ держаться. Почему долго не было донесеній?

КУРЬЕРЪ. Ваше величество, Севастополь обложенъ со всѣхъ сторонъ. Тамъ теперь дорогъ каждый человѣкъ.

НИКОЛАЙ. Въ какомъ положеніи дѣло?

КУРЬЕРЪ. Жители давно оставили городъ, въ которомъ не уцѣлѣло ни одного зданія отъ непріятельскихъ бомбъ и снарядовъ. Непріятелемъ взяты всѣ бастіоны. У насъ остался

одинъ Малаховъ курганъ, который непріятель непрерывно, днемъ и ночью, засыпаетъ снарядами и бомбами.

НИКОЛАЙ. Кто защищаетъ Севастополь?

КУРЬЕРЪ. Солдаты и матросы, руководимые адмираломъ Нахимовымъ. Остальные руководители выбыли изъ строя. Адмиралъ Корниловъ смертельно раненъ, адмиралу Истомину оторвало голову, инженеръ Тотлебенъ раненъ въ ногу. Остался одинъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ГЕНЕРАЛОВЪ. Ваше величество, русскій солдатъ всегда отличался беззавѣтной преданностью престолу и отечеству.

НИКОЛАЙ. Русскій солдатъ хорошъ, только мы плохи. (Курьеру.) Говори дальше, все говори.

КУРЬЕРЪ. Въ Севастополѣ теперь нѣтъ ни начальниковъ, ни подчиненныхъ. Всѣ равны. Знающіе и опытные руководятъ обороной, остальные помогаютъ имъ. Адмиралъ наравнѣ съ солдатами несетъ всѣ тяготы и невзгоды обороны.

НИКОЛАЙ. Трудно севастопольцамъ?

КУРЬЕРЪ. Слишкомъ трудно, ваше величество. Безъ отдыха, безъ сна, въ грязи, на открытомъ воздухѣ, безъ пищи, часто безъ глотка воды они выдерживаютъ непрерывный натискъ врага и ежеминутно ждутъ геройской смерти. Въ госпиталяхъ нѣтъ мѣста умирающимъ и раненымъ. Въ порохѣ и въ снарядахъ недостатокъ, орудій мало, и тѣ плохи. Провіантъ совсѣмъ не доставляется. Запасные изъ Россіи приходятъ изнуренными съ деревяшками на плечахъ вмѣсто ружей.

НИКОЛАЙ. Позоръ, позоръ!.. Чѣмъ же держится Севастополь?

КУРЬЕРЪ. Мужествомъ героевъ, защищающихъ свою родину.

НИКОЛАЙ. Ты проѣхалъ всю Россію. Въ какомъ она состояніи? Говори правду.

КУРЬЕРЪ. Ваше величество, Россія совершенно разорена. (Пауза.)

НИКОЛАЙ (снимаетъ съ себя орденъ и прикалываетъ его курьеру). Поцѣлуй Нахимова и передай севастопольцамъ, что на нихъ теперь надѣется Россія. Я же повелѣваю считать каждый мѣсяцъ обороны за годъ службы. Пойдемъ къ государынѣ императрицѣ: она приготовила севастопольцамъ натѣльные крестики. (Генералу.) Ваше превосходительство, поправьте звѣзду; вы стоите передъ судомъ отечества.

Генералы и министры выстраиваются въ рядъ, лицомъ къ публикѣ. Николай I долго смотритъ на нихъ, потомъ выходитъ съ курьеромъ и Александромъ Николаичемъ.

ГЕНЕРАЛЪ (послѣ долгой паузы). Гмъ... гмъ!.. (Осмотрѣвшись по сторонамъ.) Странно... Мы всѣ теперь стоимъ передъ судомъ Россіи. (Пауза.)

ОДИНЪ ИЗЪ МИНИСТРОВЪ. Однако, долго мы будемъ стоять здѣсь... Положеніе неудобное... (Осторожно оглядывается по сторонамъ. Пауза.)

ОДИНЪ ИЗЪ ГЕНЕРАЛОВЪ. Уйти невозможно. (Пауза.)

ДРУГОЙ МИНИСТРЪ. Мнѣ кажется, слѣдовало бы издать къ народу манифестъ...

Входитъ Николай.

НИКОЛАЙ (смотритъ на нихъ). Вы здѣсь еще?.. Можете уходить.

Всѣ выходятъ.

НИКОЛАЙ. О, если бы небо вмѣстѣ съ бѣдами посылало человѣку забвеніе. Если бы оно темной пеленой закрываго передъ нимъ прошлое... Несчастная, далекая Россія! Кто зналъ тебя, кто думалъ о тебѣ?.. Мы шли съ тобой совершенно различными дорогами... Какимъ великимъ и всесильнымъ я считалъ себя, и какимъ ничтожествомъ оказываюсь теперь. Я, я привелъ тебя, Россія, на край погибели. Я обнищилъ тебя и бросилъ на растерзаніе врагамъ... Какой стыдъ, какой позоръ на мою сѣдѣющую голову!.. Ахъ, Пушкинъ, Пушкинъ, зачѣмъ я тебя не послушалъ...

Входитъ Александръ Николаичъ.

НИКОЛАЙ. Саша, Саша! Не проклинай ты своего несчастнаго отца, когда его, какъ Каина, изъ рода въ родъ будетъ проклинать Россія.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Папа, мы всѣ виноваты.

НИКОЛАЙ. Я самодержецъ и долженъ отвѣчать за все.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. И министры виноваты. Тебѣ давно нужно было отстранить отъ себя разныхъ Клейнмихелей, Нессельроде и другихъ.

НИКОЛАЙ. Наемники не могутъ быть виноваты. Они служили лично мнѣ и отъ меня получали чины, ордена, оклады, а Россію только обворовывали. Эта шайка, какъ укоръ совѣсти, преслѣдуетъ теперь меня и днемъ и ночью.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Папа, отпусти меня въ Севастополь. Я хочу вмѣстѣ...

НИКОЛАЙ. Нѣтъ, нѣтъ. Ты здѣсь необходимъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Пошли кого-нибудь изъ моихъ братьевъ.

НИКОЛАЙ. Они еще молоды. Да и мать не перенесетъ разлуки съ дѣтьми. Нѣтъ, Саша, слишкомъ поздно... Пойди къ матери, успокой ее.

Александръ Николаичъ уходитъ.

НИКОЛАЙ. Выхода нѣтъ: денегъ нѣтъ, людей нѣтъ, оружія нѣтъ... Все, все погибло. Одна надежда — Нахимовъ...

Занавѣсъ.

Картина третья

Обстановка второй картины.
Николай I, опустивши голову, въ шинели на опашку. На столѣ горятъ свѣчи. Входитъ военный министръ.

НИКОЛАЙ (послѣ паузы). Что ты такъ блѣденъ?

ВОЕН. МИНИСТРЪ. Ваше величество, я двое сутокъ не вставалъ изъ-за письменнаго стола. Все военное министерство работаетъ непрерывно днемъ и ночью.

НИКОЛАЙ. Безполезная работа. Теперь каждый солдатъ, сражающійся въ Севастополѣ, дороже для Россіи, чѣмъ всѣ мы со всѣми министерствами и канцеляріями. Вотъ остальные министры позаболѣли. Впрочемъ, когда война окончится, они снова появятся и съ гордымъ видомъ примутся за свою работу. Крысы всегда оставляютъ корабль передъ аваріей. Когда же опасность минуетъ, они возвращаются, чтобы питаться его грузомъ.

ВОЕН. МИНИСТРЪ. Осмѣлюсь обратить вниманіе вашего величества на состояніе вашего собственнаго здоровья. Простуда — болѣзнь легкая, но лѣчить ее необходимо.

НИКОЛАЙ. Никакое лѣченье не поможетъ организму, въ которомъ умерла жизнь.

ВОЕН. МИНИСТРЪ. Ваше величество, императоръ не имѣетъ права относиться равнодушно къ своему здоровью. Вмѣстѣ съ императоромъ болѣетъ все государство.

НИКОЛАЙ. До меня существовала Россія и послѣ меня будетъ существовать. Что значитъ жизнь одного человѣка для такого государства...

Входитъ адъютантъ.

АДЪЮТАНТЪ. Ваше величество, изъ Севастополя прибылъ курьеръ.

НИКОЛАЙ (сбрасываетъ шинель и выравнивается во весь ростъ). Ввести курьера.

Адъютантъ выходитъ. Входитъ курьеръ—морской офицеръ.

КУРЬЕРЪ. Ваше величество, адмиралъ Нахимовъ убитъ.

НИКОЛАЙ. Какъ убитъ? Совсѣмъ убитъ?

КУРЬЕРЪ. Совсѣмъ убитъ, ваше величество. Не стало нашего отца — благодѣтеля. Ваше величество, Павелъ Степановичъ имѣлъ голову мужа, сердце женщины и душу ребенка, и теперь нѣтъ его.

НИКОЛАЙ. Знаю, знаю, все знаю... Убитъ, убитъ...

ВОЕН. МИНИСТРЪ. Ваше величество, вамъ дурно.

НИКОЛАЙ (снова выравнивается). Нѣтъ, ничего... (Военному министру.) Вотъ тебѣ и вся дѣятельность военнаго министерства. (Обоимъ.) Идите.

Военный министръ и курьеръ выходятъ. Николай I набрасываетъ на плечи шинель и грузно опускается на стулъ. Быстро входитъ Александръ Николаичъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Папа, тебѣ нездоровится?

НИКОЛАЙ. Ничего, ничего. Меня мучаетъ лихорадка. Слышалъ, Саша? Убитъ Нахимовъ. Все погибло, все рушилось.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАИЧЪ. Папа, пожалѣй себя. Пожалѣй насъ.

НИКОЛАЙ. Поздно, Саша, поздно... Оставь меня, мнѣ нужно отдохнуть. И ты отдохни. Ты для меня теперь послѣдняя опора. Иди.

Цѣлуетъ его въ лобъ. Александръ Николаичъ выходитъ.

НИКОЛАЙ. Скорѣй, скорѣй. Пока никто не знаетъ. Какъ воръ, я долженъ въ темнотѣ покончить дѣло. Тихонько ото всѣхъ, отъ близкихъ, отъ родныхъ. Одинъ, одинъ, одинъ съ своимъ позоромъ. Прости мнѣ, Русь, прости мнѣ, Севастополь. Простите души всѣхъ героевъ, павшихъ за отчизну... Но, нѣтъ! Не стою я прощенья. Прощенья достоинъ тотъ, кто самъ прощалъ. Всю жизнь я думалъ только о себѣ: о собственномъ величiи и славѣ. Ничьихъ и никогда не признавалъ я правъ. Все дѣлалъ только для себя и подѣломъ теперь наказанъ... Картины прошлаго встаютъ передо мною. Вотъ, вотъ они! Но что я сдѣлаю для васъ, безпомощный, лишенный силъ? Я могъ вамъ дѣлать зло, добра не въ силахъ сдѣлать, ни прошлаго вернуть! О, какъ мнѣ тяжело! Какъ тяжело сознанье, что нѣтъ пощады, нѣтъ прощенья. Скорѣй, скорѣй... (Наливаетъ въ стаканъ воды, высыпаетъ въ него порошокъ и выпиваетъ.) О, Саша, прости хоть ты меня! Тяжелое тебѣ я оставляю бремя. Прости меня, прости... (Тушитъ свѣчи, ложится на кушетку, прикрывается шинелью и складываетъ на груди руки.)

Тихо занавѣсъ.

